

Леонид Млечин

Китай – великая держава номер один?

Леонид Михайлович Млечин
Китай – великая держава номер один?

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4570166

*Китай – великая держава номер один?: БХВ-Петербург; Санкт-Петербург; 2012
ISBN 978-5-9775-0822-3*

Аннотация

Задача книги – изменить представление читателей о современном Китае, основанное на расхожих домыслах и мифах, показать истинное лицо этой страны и ответить на главный вопрос, интересующий не только наших политиков и финансистов, но и обычных граждан: представляет ли Китай угрозу для России?

Вся правда о Китае – в новой книге известного писателя, историка и телеведущего Леонида Млечина.

Содержание

От автора	4
Часть первая	11
Одним ударом меча	12
Изнасилованный город	17
Опыты на людях	22
Часть вторая	26
Мао и Сталин	27
Русские сражаются в Китае	31
Бои на Хасане	40
Победа на Халхин-Голе	44
Опиумные дела	47
Между Москвой и Вашингтоном	52
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Леонид Млечин

Китай – великая держава номер один?

От автора

Китай – после двух столетий унижений и оскорблений со стороны внешнего мира, вторжения иностранных войск, гражданских войн, революций, голода – на randеву со своей судьбой. Китай желает сам заново оценить свое место в истории. Почти два тысячелетия он был главным государством Азии. Но в XX веке утерять свое первенство. Западные державы и Япония заставили Китай почувствовать себя униженным. Китайцы мечтают вернуть себе прежнее положение в мире. Даже если это не говорится вслух, в глубине души они уверены: XXI век станет китайским веком.

Давным-давно Наполеон пророчески заметил: «Когда Китай проснется, весь мир вздрогнет».

Китай просыпается.

Восьмидесятые годы XX столетия были временем расцвета Японии. Начало девяностых стало звездным часом «азиатских тигров» – новых индустриальных стран Азии. Затем началась эра Китая.

За последние три десятилетия валовой внутренний продукт страны вырос в тридцать раз. И с каждым десятилетием Китай будет играть все более значимую роль в мировой политике и экономике. Китай, как магнит, притягивает к себе капиталовложения. Китай – крупнейший экспортер. Уже пора всем учить китайский язык...

Уже сегодня это государство, с которым все считаются. Наиболее вероятный сценарий развития мира состоит в том, что в ближайшие полвека Китай станет ведущей державой. Но это будет сверхдержава иного типа, чем существовали прежде. Китай – особый случай. Это больше чем государство. Целая цивилизация, оказавшая серьезное влияние на соседние страны. Китай – это невообразимо большое население и заметная диаспора в разных регионах мира.

При этом китайцы очень разные (хотя нам они и кажутся на одно лицо – как и мы им). Различия в языке так велики, что южане и северяне плохо понимают друг друга и часто нуждаются в переводчике. Что же их объединяет? Принадлежность к великой цивилизации, сознание общности исторической судьбы.

Китайцы умеют добиваться успеха. Пятьдесят шесть миллионов китайцев живут в эмиграции – в Азии, Америке, Европе. Китайцы покидали родину, потому что это была бедная страна. На новом месте они начинали с нуля, не имея никакой опоры, не зная чужого языка, но теперь редко где они не достигли богатства.

Мы все еще думаем, что Китай политически инертен, что власть компартии остается неизменной. Конечно, здесь нет развитой демократии западного типа. Но страна свободнее, чем тридцать лет назад. Китайцы это ощущают – они могут выбирать себе работу, слушать музыку, которая им нравится, они зарабатывают деньги и тратят их так, как хотят.

Городская молодежь очень реалистично смотрит на мир. Но молодые преуспевающие бизнесмены и чиновники помнят о том, что под западным костюмом у них в груди бьется китайское сердце. Они покупают иностранные товары, они ведут дела на западный манер, но они гордятся своим культурным наследием и традициями.

В тесной Европе одно государство, набирая мощь, неминуемо сталкивалось с другими. У Китая веками не было соперников и конкурентов.

До начала индустриальной революции Китай был значительно богаче любого европейского государства. Китай больше всех производил и торговал. На протяжении восемнадцати из двадцати последних столетий Китай производил большую долю валового внутреннего продукта, чем любое западное общество. Еще в 1820 году на долю Китая приходилось больше тридцати процентов мирового ВВП – это больше чем совокупное производство тогдашних Западной Европы, Восточной Европы и Соединенных Штатов!..

Китайцы привыкли считать другие народы варварами. В давние времена китайские власти просто издевались над иностранцами. Китайская элита установила экономические и культурные связи с Европой еще триста лет назад, в XVIII веке, когда китайцы снабжали Европу фарфором, изучали европейскую архитектуру и искусство. Потом, в XIX и XX веках, напротив, наступил период колоссального унижения китайцев. Они были поражены и растоптаны. И не понимали, как при такой великой истории это с ними случилось.

Теперь настроения изменились. Нынешних китайцев не узнать.

Вождь коммунистов Мао Цзэдун пытался создать «нового человека» и добиться тотального равенства в обществе. Но потерпел неудачу. После трех десятилетий революционных экспериментов китайское общество пребывало в состоянии травмы. Главный реформатор страны Дэн Сяопин понял, что надо дать возможность людям вздохнуть. Китайское общество в значительной степени вернулось к традиционным ценностям – конфуцианству и буддизму.

По итогам 2010 года выяснилось, что в коммунистическом Китае уже наличествуют сто восемьдесят девять миллиардеров – это примерно десятая часть общемирового количества супербогатых людей! Высший класс требует себе лучшего – к примеру, автомобилей «мерседес», БМВ, «ауди», а также высокотехнологичные кухни, обувь из крокодиловой кожи. Остальной мир покупает игрушки китайского производства, а богатые китайцы своим детям заказывают игрушки только у немецких производителей. К 2015 году Китай станет крупнейшим рынком предметов роскоши.

Появился средний класс. Новые китайцы ездят за границу и наслаждаются всеми благами современной материальной цивилизации. Триста тысяч китайских студентов ежегодно отправляются учиться за границу. В московских институтах полно молодых китайцев. Семьдесят тысяч китайских студентов получают образование в американских университетах.

Еще в конце 1970-х Китай стал выпускать студентов за границу. Культурная революция погубила систему образования, лишила китайские институты возможности готовить квалифицированных специалистов. Отправить лучших учиться за рубеж – это был кратчайший путь восстановить интеллектуальный потенциал страны. Что тревожило китайское руководство? Первое: студенты не захотят вернуться. Второе: как интегрировать молодежь с иными ценностями в китайское общество?

Действительно, не все вернулись. Нынешний Китай – кузница кадров для американских аспирантур. Но многие, получив диплом, работают дома. И они придали новое качество интеллектуальной жизни страны.

Сегодня высшее образование получает двадцать один миллион китайцев. К 2013 году Китай может обогнать Соединенные Штаты по количеству научных разработок и открытий. Стремительно растут два показателя, определяющие уровень научных исследований в стране: количество научных работ, оцененных за рубежом, и количество ссылок на них. Это самое очевидное свидетельство подъема китайской науки.

Пока другие государства тщетно пытались взбодрить свою промышленность, экономика Китая росла на десять процентов в год. С такой же скоростью увеличивался военный бюджет страны. Впрочем, военный бюджет нацелен не только на создание нового оружия – бомбардировщиков-невидимок и авианосцев, но и на сохранение лояльности личного состава – военную форму носят два с лишним миллиона человек.

Китайская модель – гибрид квазигосударственного капитализма и полудемократического авторитаризма – привлекает внимание третьего мира. Китай доказывает, что существуют различные модели модернизации, не только западная.

Пекин накачивает политические мускулы и успешно возвращает утраченное в годы поражений и неудач. Вместе с Россией он пытается определять будущее стран Средней Азии. Ведет дипломатическое наступление в Европе и Латинской Америке. Китай – важнейший игрок в корейских делах.

В полночь 30 июня 1997 года закончилось британское правление в Гонконге. Китай всегда мечтал вернуть себе оторванные от основной территории страны Гонконг, Макао и Тайвань. Это дело национальной чести.

Возвращение Гонконга – нечто большее, чем переход под управление Пекина еще одного участка суши. Пусть даже это крупнейший финансовый центр Азии, куда деньги устремляются со всего мира как пчелы на мед. Для китайцев это событие смыло позор столет иностранного вмешательства в китайские дела.

В 1898 году Великобритания получила Гонконг, то есть остров Сянган и прилегающие территории, в аренду на девяносто девять лет. Аренда закончилась 30 июня 1997 года. 1 июля Китай вернул себе суверенитет над Гонконгом.

Гонконг, в котором при англичанах жило больше шести миллионов человек, это золотое дно. Гонконг был когда-то построен на доходы от продажи опиума и по-прежнему опьянен самим процессом получения прибыли. Иностранцев всегда поражали яркие краски, безудержная, буйная материалистичность Гонконга. Деньги устремляются сюда бурным потоком со всего мира.

В годы Дэн Сяопина Гонконг сыграл ключевую роль в поддержке экономических реформ в Китае и сам остался не в накладе. Гонконгские компании стали переносить свое производство в Китай, где есть миллионы старательных рабочих, согласных на небольшую зарплату. Большая часть товара, украшенного торговыми марками Гонконга, производилась на территории Китая. Симбиоз оказался взаимно выгодным. Гонконг вложил в Китай шестьдесят три миллиарда долларов. Благодаря тесным связям с Китаем небольшой по территории остров занял восьмое место в мировой торговле. Даже трудно сказать, кто кому был больше нужен: Гонконг Китаю или Китай Гонконгу.

На главной площади Пекина установили огромное электронное табло, которое отмечало, сколько месяцев, недель, дней и часов остается до того момента, когда Гонконг вновь станет частью Китая.

В Великобритании, которая навсегда расставалась с Гонконгом, и вообще на Западе были обеспокоены его будущим. Британцы с печалью говорили о судьбе города, считая, что его жителям не повезло: они сменили либерального хозяина на деспотичного. Всех занимал вопрос, будут ли соблюдаться права и свободы в Гонконге после того, как он перейдет под управление Пекина. Гонконг процветал не только благодаря тому, что это замечательный порт и там низкие налоги. Гонконг процветал еще и потому, что экономика хорошо развивается там, где уважаются гражданские и политические свободы.

Мир был полон пессимистических прогнозов.

Но нельзя не замечать, что китайцы стремительно меняются. Жители Пекина выглядят не хуже китайцев, живущих в Гонконге или на Тайване. Китайцы излучают уверенность в себе, независимость и оптимизм. Если Китай меняется на глазах, должно меняться и наше к нему отношение.

Вечером 30 июня 1997 года в Пекине на площади Тяньаньмэнь собрались сто тысяч приглашенных, чтобы участвовать в официальной церемонии. Она началась в десять вечера и закончилась в пять утра. Три гигантских телеэкрана воздвигли на площади, чтобы пекинцы смогли наблюдать за такой же церемонией в самом Гонконге.

Это была, наверное, самая шумная ночь на земле.

В Гонконге церемония продолжалась два часа – около полуночи спустили британский и подняли китайский флаг и флаг особого административного района Сянган. После чего начался музыкальный вечер с караоке, в котором участвовали два миллиона человек! Его организаторы хотели, чтобы любимые песни исполняли все жители Гонконга – кто на улице, кто выйдя на балкон, кто сидя дома и просто открыв окна. Караоке – это эпидемия, которая охватила Гонконг. Ни одно общественное мероприятие не обходилось без караоке. Даже большие начальники охотно брали в руки микрофон и затягивали популярную песню.

Фейерверки, парад, лазерная иллюминация, концерты, шоу, театральные представления, поющие фонтаны – все было в этот день. Знатные гонконгцы дали серию балов и торжественных обедов. Все, кто что-нибудь значил в этом городе, участвовали в самом значительном событии в их жизни. На официальный банкет пригласили четыре тысячи гостей. Пир на весь мир.

До двенадцати часов 30 июня 1997 года Гонконг находился под управлением Великобритании. В полночь Китай получил право ввести в Гонконг свои войска. Британский армейский корпус переделся в гражданское и на рассвете на самолетах улетел домой. Закончилась власть последнего британского губернатора Гонконга Криса Пэттена, бывшего депутата парламента и бывшего министра. Он пробыл на этом посту пять лет. Перед ним стояла триединая задача – защитить Гонконг, позаботиться о британских коммерческих интересах и не конфликтовать с Китаем.

Иногда деньги молчат, иногда навязывают свою волю, а иногда кланяются до земли. Великобритания оставила Гонконг процветающим. За последние пять лет, когда судьба Гонконга уже была решена, производство там увеличилось на четверть, экспорт – на две трети и инвестиции – на сорок процентов. Крис Пэттен справился со своей миссией.

С 1 июля главой администрации особого административного района Сянган – так теперь именуется Гонконг – стал владелец судоходной компании Тун Чжихуа. За него проголосовала состоящая из четырехсот выборщиков коллегия. Это человек с очень любопытной биографией. Тун Чжихуа родился в Шанхае, учился в Англии. Когда в Китае коммунисты пришли к власти, семья бежала в Гонконг, но его отец тайно сотрудничал с Пекином. Зато его сестра вышла замуж за сына министра обороны Тайваня.

Гонконг – крупнейший торгово-экономический, финансовый и транспортный центр в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Но не это было главным для Пекина. Главное – убедить Тайвань, что и ему следует вернуться под управление Пекина. Ради этого в Гонконге ввели особый режим. Дэн Сяопин придумал универсальную формулу: «Одно государство – два строя».

Что имелось в виду? Условились, что и после объединения континентальный Китай будет строить социализм, а Гонконг – капитализм. Будущим Гонконга в Пекине занималась специальная канцелярия при Госсовете Китайской Народной Республики. Договорились, что новые власти Гонконга уже не будут заниматься дипломатией и военными делами. А во всем остальном особый район получит высокую степень автономии, обещали в Пекине. Сохранили даже прежнюю валюту – гонконгский доллар.

Как же реагировали тайваньские власти?

За неделю до перехода Гонконга под китайское управление Тайвань нарочито провел большие двухдневные военные маневры, на которых присутствовал президент страны. Это был ответ Пекину.

Руководство Китайской Народной Республики использовало присоединение Гонконга как повод для возбуждения националистических чувств у китайцев. Средства массовой информации твердили, что закончилась эпоха национального унижения.

Китайские лидеры часто представляют Китай невинной жертвой западного империализма. Эта версия истории позволяет мобилизовать китайский народ. Национализм обыкновенно используется для того, чтобы отвлечь внимание от внутренних социальных проблем, вызванных стремительной индустриализацией и экономическим ростом. Призывы либеральной общественности провести демократизацию или дать независимость Тибету всегда проще объяснить происками американского ЦРУ...

Возвращение Гонконга имело огромное символическое значение: первый большой успех Китая в мировой политике. Потеря Гонконга была тяжким унижением для Китая. Неспособность противостоять другим державам наложила неизгладимый отпечаток на психическое состояние всех китайцев. Китайцы словно лишились уверенности в своих силах. Возвращение Гонконга означает, что постыдный период слабости закончился. И китайцы больше не позволяют, чтобы их унижали. Более важным событием может стать только установление власти пекинского правительства над Тайванем.

Стремительное развитие Китая ставит перед миром вопрос: как строить отношения с восходящей супердержавой? Ставки высоки. Речь идет о новом мировом порядке. Другим странам придется подвинуться, чтобы найти место для нового гиганта.

История услужливо предлагает такую траекторию: сначала государство становится богатым, потом опасным и требует себе «места под солнцем», как выразился когда-то германский рейхсканцлер Бернхард фон Бюлов.

Успех Китая потрясает и даже немного пугает. Особенно масштабами экономики и численностью вооруженных сил. Не ждет ли нас эпоха конфликтов, если Китай попытается взять власть над миром? Некоторые авторы утверждают, что для начала китайские лидеры намерены доминировать над всей Азией. И полагают, что это стремление неминуемо приведет Китай к прямому столкновению с американскими интересами.

С этой трактовкой спорят те, кто говорят, что Китай по мере экономического развития откроется, станет более свободным и демократичным, предсказуемым и стабильным. Быстрый экономический рост и демократизация превратят Китай в привлекательного партнера Соединенных Штатов и других западных стран.

История редко течет по заранее предсказанным руслу. Это своенравная река. В конце XIX века германоязычная центральная Европа казалась центром мира. В немецких университетах учились такие гении, как Альберт Эйнштейн, Вернер Гейзенберг и Эрвин Шрёдингер, чьи открытия в сфере ядерных реакций и квантовой механики изменили мир. Затем разразилась Первая мировая война, в России к власти пришли коммунисты, в Германии – фашисты, и умы убежали через океан в Америку. Центр научного прогресса переместился из Европы в Америку. Некие признаки грозящей Европе катастрофы можно было, конечно, различить и в начале XX века. Но мало кому это удалось.

В Китае есть один уникальный музей. Он построен не в честь великой победы или грандиозных успехов в строительстве. Он посвящен не древней культуре и не современной живописи. Это музей, посвященный поражению, военной катастрофе, которая повлекла за собой тяжкие страдания всего Китая. Я поехал в провинцию Шаньдун, чтобы увидеть этот музей и понять, почему китайцы не хотят забывать свои поражения, беды и катастрофы.

Музей на небольшом острове создан стараниями одного-единственного энтузиаста. Образование у него заочное, по-настоящему поучиться ему не удалось. Когда он окончил школу и собирался поступить в институт, началась культурная революция и учебные заведения закрылись. Экспонаты для своего музея он годами собирал по всему Китаю, искал потомков тех, кто участвовал в исторических событиях. Кое-что подняли со дна моря. И все-таки он создал музей, посмотреть который приезжают люди со всего Китая. Заинтересовалось даже самое высокое начальство. Иероглифы названия музея написаны самим генеральным секретарем ЦК КПК Цзян Цзэмином, который тоже здесь побывал.

Это музей японо-китайской войны 1894–1895 годов. Собственно говоря, это даже больше чем музей – огромный комплекс на острове, где когда-то находился штаб адмирала, возглавлявшего китайский флот при Цинской династии.

Тогда китайский флот был четвертым в мире и первым в Азии. Но стремительно вооружавшаяся японская империя скоро обогнала Китай в военном строительстве. Китай и Корея оказались первыми жертвами японского милитаризма.

Огромный памятник участникам той незначительной войны воздвигнут на берегу моря. Памятник напоминает фигуру реального человека – китайского полковника Дин Жучана, героя войны, который возглавил оборону. Видя, что терпит поражение, он предпочел покончить с собой.

Ту давнюю войну китайцы проиграли. Так зачем же музей? О чем говорят все эти экспонаты – картины, восковые фигуры, видеопанорамы, где зрителям устраивают целое представление?

Островной музей напоминает о том, что, во-первых, всегда надо быть готовым к войне, что, во-вторых, мужество терпящих поражение тоже заслуживает высочайшего уважения и что, в-третьих, проиграв, надо извлекать уроки из поражения.

Попытки построить коммунизм при Мао Цзэдуне закончились катастрофой. Огромная страна не могла себя прокормить и производила жалкое впечатление. Во время культурной революции мир ужасался Китаю, а после – издевался над ним. Казалось, страна безнадежно отстала от стремительно развивающегося мира.

Дэн Сяопин извлек уроки из поражения.

Китай берет реванш за унижения прошедших десятилетий. Угрожает силой покончить с сепаратистами на острове Тайвань, ведет территориальные споры с соседями в Южно-Китайском море. Китай требует себе места за столом великих держав. Так, в конце XIX века действовали Германия, Япония и Соединенные Штаты. Эти три державы опередили остальные страны в производстве стали и энергии, что позволило им в большом количестве производить пушки, бомбы и боевые корабли.

Следующий шаг – экспансия и развязывание войны. Американцы оторвали от Испании Кубу и Филиппины в 1898 году. Японцы в начале XX века напали на Россию и Китай, а в 1941 году – и на Соединенные Штаты. Немцы пытались завоевать мир.

Последует ли Китай их примеру? Сбудутся ли мрачные пророчества? Произойдет ли превращение Китая в великую державу мирно? Или же, как Германия – дважды! в XX веке и Япония в 1930-х годах, Китай начнет мировую войну?

Невероятно трудно со стороны понять устремления Китая. Китайцы не уверены, что разум западного человека способен постичь сложность любой ситуации. Здесь – загадочное для европейца лицо Дальнего Востока, лицо, лишенное в своей застывшей непроницаемости всяких признаков «зеркала души». Показать, что творится в твоей душе, – значит нарушить всякие приличия, «потерять лицо». «Дерево дорожит своей корой, человек – своим лицом», – говорят китайцы.

Переговоры с китайцами напоминают тщательно отрепетированную пьесу, в которой нет ничего случайного и в то же время все выглядит экспромтом. Китайцы помнят каждое ваше слово. В свою очередь каждое замечание, сделанное китайцами, является как бы частью мозаики, общей картины. У европейцев создается впечатление, будто они ведут бесконечный разговор с неким единым организмом, который все помнит и, кажется, обладает неким единым, интегральным интеллектом. Это порождает трепет и бессилие перед подобной самодисциплиной и преданностью своему делу. Миллиардный Китай вообще многим внушает благоговейный страх.

Другая древняя китайская традиция – никогда не показывать своей заинтересованности в сотрудничестве с иностранцами. Те предложения, с которыми китайцы соглашаются,

выполняются с поистине волшебной эффективностью. Другие идеи просто растворяются в непробиваемых облаках приторно вежливых фраз.

Чтобы заглянуть в завтрашний день Китая и попытаться предсказать его будущее, необходимо понять, как прошлое определяет траекторию его исторического развития. Мы рассмотрим историю долгой войны с Японией, которая принесла неисчислимые страдания китайскому народу и едва не разрушила Китай как государство, перипетии трудно складывавшихся взаимоотношений России и Китая и сложную траекторию постепенного сближения Пекина и Вашингтона.

Часть первая

Давние счета

Китайцы не зря называют свою страну Срединной империей – центром мира. В их восприятии все остальные страны крутятся вокруг Китая. Характерно, что в Китае не появилось религии, сравнимой с иудаизмом, христианством и исламом. Китайцам не требовалась идея об их божественном или космическом происхождении. Они знают: мир создан ими.

Китай – единственная крупная цивилизация, которая мало что почерпнула извне. Значительно чаще внешний мир заимствовал китайские идеи и изобретения. В пору национального гнета, унижений и позора китайцы затаились. В Китае считается глупым быть самим собой – следует быть таким, каким требуют обстоятельства.

Но они все помнят и ничего не забывают.

С древних времен Срединная империя была ведущей политической и культурной силой в Восточной Азии. Китай оказал глубокое влияние на развитие корейской, японской, вьетнамской культур. Властители этих стран посылали дары китайскому императору в надежде поддержать хорошие отношения с великим государством. И только в XIX веке западный империализм, а затем японский милитаризм покончили с китайским лидирующим положением в регионе.

Одним ударом меча

Высшим шиком в офицерском корпусе японской императорской армии считалось умение обезглавить человека одним ударом меча. Приговоренного к смерти ставили на колени, руки связывали за спиной. Появлялось полковое начальство, командиры батальонов, все занимали отведенные им места. По давней традиции офицер, демонстрирующий свое искусство, подходил к приговоренному сзади – из страха, что душа жертвы, отделяясь от тела, может схватить убийцу.

Широко расставив ноги, он поднимал меч и с выдохом одним ударом отсекал голову, которая отлетала чуть не на метр, кровь фонтанами била из бездыханного тела. Офицер отходил в сторону, чтобы вместе со зрителями полюбоваться своей работой.

В 1937 году подразделения японских оккупационных войск на территории Китая устроили нечто вроде соревнования: кто убьет больше китайцев. Унтер-офицеры и рядовые разбивались на пары: один орудовал мечом, другой считал отрубленные головы и отбрасывал их в сторону. Холм из отсеченных голов быстро рос. Старший офицер напоминал: «Отсек – посчитай! Не забывайте считать!»

Китайцев было много больше, чем японцев, которые их убивали. Но они не посмели восстать и броситься на своих мучителей. Они покорно ждали, когда придет их очередь умереть. Это происходило в 1937 году в городе Нанкине, который был древнейшим культурным центром и в ту пору еще и столицей Китайской республики.

Сейчас эта история кажется совершенно невероятной. Тем более что японское командование сразу после капитуляции в августе 1945 года постаралось уничтожить следы своего преступления.

Главнокомандующий союзными войсками на Тихом океане американский генерал Дуглас Макартур не сразу рискнул прибыть в поверженную Японию. Американское командование, памятуя о бешеном сопротивлении японских гарнизонов на Сайпане, Иводзиме и Окинаве, о самоубийственных атаках японских летчиков и моряков, опасалось кровопролитной партизанской войны.

Дуглас Макартур предполагал, что американским солдатам в Японии будут стрелять в спину, что фанатики станут отравлять колодцы и ставить мины на дорогах. Ничего подобного не произошло. Страна покорилась судьбе и смирилась с оккупацией. Такова была воля императора.

Личный самолет Макартура приземлился на аэродроме Ацуги в полдень 30 августа. В иллюминаторы было видно, что деловые и правительственные кварталы Токио охвачены пожарами, которые никто не тушит. В крупных фирмах, учреждениях, армейских штабах жгли документы. Пожары продолжались много дней. Высшие офицеры и чиновники уничтожали бумаги, казавшиеся им опасными.

Среди них были документы, относившиеся к трагедии города Нанкина. Взятие города вошло в историю как «изнасилование Нанкина». Так это и происходило – в прямом и переносном смысле. Такого массового изнасилования женщин мировая история еще не знала.

Японский генерал Иванэ Мацуи, командовавший экспедиционным корпусом в Китае, говорил: «Борьба между Китаем и Японией – это схватка между братьями внутри азиатского семейства. Мы делаем это не потому, что ненавидим китайцев, а потому что слишком их любим. Это как в семье, где старший брат делает все, что в его силах, чтобы заставить младшего брата вести себя достойно».

Старшим братом по праву должен бы считаться Китай, куда более древнее государство. Япония многое позаимствовала у китайцев – от иероглифики до чайной церемонии. Но на

поле боя китайцы не устояли перед японцами. Китайцы были растоптаны и раздавлены и не понимали, как при такой великой истории и культуре это с ними случилось.

Первая японо-китайская война разразилась осенью 1894 года. Японцам понадобилось всего полтора месяца, чтобы одержать победу. Китайское правительство вынуждено было подписать унижительный договор, выплатить японцам большую контрибуцию и пойти на территориальные уступки. К 1904 году Япония удвоила свою армию и сама производила все потребное ей оружие. Это позволило ей взять верх над русской армией в Маньчжурии.

Первая мировая война оказалась крайне выгодной для Японии, оставшейся в стороне: воюющие державы покупали японскую сталь и текстиль. Страна богатели. Зато окончание войны привело к тяжелому экономическому кризису. Упал спрос на японские товары. Заводы, работавшие на войну, закрылись. Западные компании охотнее инвестировали деньги в Китай, а китайцы в свою очередь бойкотировали японские товары. Японцы решили, что это заговор, что против них объединился весь мир.

Население Японии всего за полвека увеличилось вдвое. Прimitивное сельское хозяйство не могло прокормить страну. Идея территориальных приобретений становилась в Токио все популярнее. Китай оказался очевидной целью – огромная и плохо управляемая территория.

18 сентября 1931 года японцы устроили взрыв на железной дороге, обвинив в этом китайцев. Это стало формальным поводом для захвата Маньчжурии, которая была в 1932 году превращена в марионеточное государство Маньчжоу-го.

На трон японцы посадили юного Пу И, последнего императора из маньчжурской династии. Оккупация севера страны обострила национальные чувства. В 1932 году в Шанхае толпа напала на пятерых японских буддистских священников, одного убили. В ответ японская армия обстреляла Шанхай, погибли тысячи мирных жителей.

7 июля 1937 года японцы развязали полномасштабную войну с Китаем. Опять началось с провокации. Во время ночных маневров рядом с мостом Марко Поло в темноте прозвучало несколько выстрелов с китайской стороны, и один японский солдат пропал. Японский командир потребовал, чтобы его войскам разрешили поискать пропавшего бойца на китайской территории. Последовал отказ, тогда заговорила японская артиллерия. В августе японцы захватили Шанхай.

В конце ноября японские войска начали наступление на Нанкин. Город превратился в ловушку для оборонявших его солдат. Двухсоттысячной наступающей армии японцев противостояло больше семисот тысяч китайских солдат и офицеров. Оружия и боеприпасов китайским войскам хватило бы на пять месяцев осады. Историки недоумевают и по сей день: почему при таком большом гарнизоне город сдался всего через несколько дней, вечером 12 декабря 1937 года?

Первоначально армия намеревалась оборонять город. Гарнизон был усилен. Солдаты рыли траншеи, прокладывали линии связи, пытались укрепить городскую стену, оборудовали пулеметные гнезда. Ворота были забаррикадированы, пропускали только военный транспорт.

Но знающие люди предчувствовали, что город будет сдан, и спешили покинуть Нанкин. 2 декабря сокровища дворцового музея – практически все культурное наследие Китая – были упакованы и погружены на судно. Через шесть дней глава государства Чан Кайши, его жена и советники покинули город на самолете. Сомнений не оставалось – Нанкин сдадут.

Японцы обладали абсолютным превосходством в воздухе. Во время боев за Шанхай соотношение было один к десяти в пользу японцев. Нанкин вообще остался без авиации, последние самолеты улетели вместе с Чан Кайши. Бежавшее правительство прихватило с собой и современные средства связи, поэтому китайские войска не могли наладить связь между собой.

В Нанкине были собраны части, сформированные в разных провинциях Китая, где говорят на разных диалектах, и они элементарно не понимали друг друга. Большинство солдат были мобилизованы в армию насильно и не горели желанием сражаться. Боевая слаженность отсутствовала. Японцам было легко бить многочисленную китайскую армию по частям.

Удивительным образом горожане даже радовались, что китайские войска уходят без сопротивления. Они рассчитывали, что японцы будут лучше управлять городом, чем китайские начальники, которые так легко бросили их на произвол судьбы. Разве могли они предположить, что многие из них будут убиты японцами просто ради развлечения?

Иностранцы, которые жили в городе, пытались избавить город от кровопролития. Они предложили обеим сторонам такой план: на три дня боевые действия прекращаются, китайские войска беспрепятственно покидают город и японские войска входят в Нанкин без боя. 10 декабря в полдень двое японских офицеров подошли к городским воротам, рассчитывая, что им навстречу выйдут парламентарии. Но Чан Кайши запретил своим генералам договариваться с японцами. Японское командование приказало начать обстрел города.

А Чан Кайши тем временем передумал. Прислал командующему обороной города телеграмму: «Если Вы не в состоянии удержать город, можете использовать ситуацию и отойти, чтобы сохранить и переформировать войска для будущей контратаки».

12 декабря в три часа утра, когда еще не рассвело, командующий обороной города устроил военный совет в своем доме. Он сказал, что фронт развалился, удержать городские ворота невозможно и Чан Кайши приказывает отступить. Ни один из генералов не предложил сражаться до последнего. Организованный отход превратился в бегство. Солдаты бросали оружие, переодевались в гражданскую одежду, пытались убежать. Но бежать было некуда. Переплыть Янцзы никто не мог. Сотни тысяч китайских солдат оказались в руках японцев.

Говорят, если бы Чан Кайши сразу вывел войска из Нанкина, такой резни бы не было. Сомнительное предположение. Изнасилование Нанкина вовсе не было мстостью за ожесточенное сопротивление гарнизона. Японские войска устраивали такие же жестокие акции в других городках и деревнях, которые они занимали. Скорее китайцев могло спасти мужественное сопротивление.

Если бы Чан Кайши не приказал в последнюю минуту отступить и китайские солдаты сражались бы за город, жертв среди гражданского населения, скорее всего, было бы меньше. Конечно, японская армия, лучше вооруженная и обученная, в конце концов одолела бы обороняющихся. Но долгая и упорная борьба, во-первых, обескровила бы японскую армию, во-вторых, сбила бы с нее спесь. Японцы побоялись бы вести себя так нагло с китайцами, опасаясь мести... А вот с теми, кто сдался практически без сопротивления, они не церемонились.

Японские военные воспитывались в совершенно иной культуре, где пилотам вместо парашюта вручали меч, потому что самоубийство предпочтительнее капитуляции. Сдавшихся в плен китайцев было гораздо больше, чем японских солдат. Японцы с презрением смотрели на китайцев, испуганных и неспособных к сопротивлению.

Японские солдаты в отличие от китайских твердо верили в победу, в превосходство своего оружия и своей стратегии. «Победа в бою достигается не численным превосходством и не материальным преимуществом, а хорошей подготовкой, волей к победе и боевым наступательным духом», – говорилось в уставе императорской армии. Более всего ценили упорство, выносливость, умение стойко переносить лишения. Эти качества воспитывали с детства. В японских школах учителя муштровали учеников, как новобранцев. Выбатывали в них волю к победе, умение преодолевать свои слабости. Зимой заставляли стоять босиком на снегу, летом – бегать до изнеможения.

Во Вторую мировую японцы сражались до последнего. У американцев и англичан один сдавшийся приходился на трех убитых, у японцев – на сто двадцать. Японский солдат, попавший в плен, считался трусом и подлежал впоследствии суду военного трибунала.

Судьба Нанкина решилась, когда генерала Иванэ Мацуи свалил приступ его давней болезни – туберкулеза. Генерал Мацуи отдал приказ по войскам, в котором говорилось, что вступление императорской армии в столицу чужого государства – историческое событие и следует вести себя достойно, соблюдать порядок и уважать местное население. Но заболевший генерал вынужден был передать командование члену императорской семьи – принцу Ясухико Асаке.

5 декабря принц вылетел из Токио на самолете и прибыл на фронт через три дня. Ему доложили, что в городе скопилось около трехсот тысяч китайских солдат и они готовы капитулировать. И тогда принц распорядился: «Всех пленных убить». 13 декабря все части японской армии до батальона включительно получили приказ командования: «Все военнопленные должны быть казнены. Метод казни: разделить пленных на группы по двенадцать человек. Каждую группу расстреливать отдельно».

За этим приказом стояла безжалостная логика. Расстрел избавлял японское командование от необходимости кормить пленных. Кроме того, рассудили японцы, расстрелянные пленные уже не уйдут в партизаны и не вернуться в строй китайской армии.

Китайские войска в Нанкине практически не сопротивлялись. Они сдавались, надеясь на гуманное обращение. Во время осады города самолеты разбрасывали листовки, на которых улыбающийся японский солдат держал на руках китайского мальчика и было написано: «Все добрые китайцы, которые вернутся в свои дома, будут накормлены и одеты. Япония желает быть хорошим соседом тем китайцам, которые не позволят себя одурачить таким монстрам, как Чан Кайши».

Но это была всего лишь пропаганда. С точки зрения японцев, пленные китайские солдаты не заслуживали милосердия: они опозорили себя – проиграли войну, но остались живы. «Солдат не сдается в плен, – не скрывая своего отвращения, говорили японские офицеры. – Если солдата побеждают, он должен уйти из жизни. Но никто из вас не сохранил ни капли мужества, чтобы поступить так. У нас нет средств кормить вас. Мы предполагали, что имеем дело с достойным противником. Если мы начнем вас кормить, то лишим горсти риса японского ребенка, который имеет на нее больше прав, чем вы».

Расстрелы пленных начались вечером 17 декабря. Китайским солдатам обещали, что их переправят на другую сторону реки Янцзы. Они покорно шли. Только возле реки, увидев, что нет никаких средств для переправы, они начали беспокоиться. Но тут японцы уже открыли огонь. Когда военнопленные превратились в гору неподвижных тел и больше не раздавалось ни криков, ни стонов, японские солдаты стали методично протыкать каждое тело штыком. Это затянулось до рассвета.

В то же время японские солдаты обходили дом за домом, проверяя, не прячутся ли там китайские солдаты. Не раздумывая, они убивали всех молодых мужчин, не вникая, военный перед ними или штатский. Они стреляли в стариков и женщин, если те слишком медленно исполняли приказы. Трупы валялись повсюду, воды Янцзы покраснели от крови.

Японцы потребовали все двери в городе держать открытыми. Если владельцы магазинов пытались закрыться, в них стреляли, а товар растаскивали. Разграбили банки, вскрыли личные сейфы и все забрали. Командование разрешило солдатам отправлять домой небольшие посылки, так что был стимул грабить. Тащили все – авторучки, фонарики, часы.

Каждый командир исполнял приказ на свой манер. Японский военный корреспондент Юкио Омата видел, как пленных выстроили вдоль реки: «Стоявшим в первом ряду отрубили голову. Стоявшим во втором ряду приказали оттащить мертвые тела и бросить их в реку. Потом им самим отрубили голову... И так казнь продолжалась весь день, до поздней ночи.

За день убили две тысячи пленных. Наследующий день, устав орудовать мечами, пустили в ход пулеметы. Поставили два пулемета с флангов и открыли огонь. Пленные прыгали в воду, надеясь спастись, но никому не удалось доплыть до другого берега».

Изнасилованный город

Вслед за военнопленными неминуемо настала очередь женщин.

«Женщинам досталось больше всех, – вспоминал бывший солдат 14-й японской дивизии. – Ни молодые, ни старые – никто не мог избежать изнасилования. Мы отправляли грузовики в город и хватали столько женщин, сколько влезало в кузов. Но на всех женщин не хватало. Распределяли так: одну женщину на пятнадцать-двадцать солдат».

Естественно, был отдан приказ, запрещающий насилие над женщинами. Но в японской военной культуре укоренилось представление о том, что победитель имеет право на женщин, принадлежавших побежденным. А многие вчерашние крестьяне охотились на девочек, веря, что половой акт с девственницей придаст им сил в бою и даже спасет от ран.

«Потом мы и женщин тоже убивали, – вспоминал один из солдат. – Они пытались убежать, когда все заканчивалось. Мы стреляли им в спину. Проблем не было. Когда мы их насиловали, то воспринимали как женщин. А когда стреляли в них, то воспринимали скорее как свиней».

Офицеры ничем не отличались от солдат. Командир 6-й дивизии Хисао Тани сам был обвинен в изнасиловании двадцати женщин в Нанкине. Единственное, что интересовало офицеров, это чтобы не оставалось следов. Сделали дело – и концы в воду.

Один из офицеров приказал своим подчиненным: «Когда все закончите, то или заплатите им, или убейте их где-нибудь – подальше от расположения нашей части».

Японские солдаты насиловали всех женщин, которые попадались им в руки. Молодые женщины не знали, что делать – прятаться дома, надеясь, что их не найдут, или бежать в зону безопасности, созданную иностранцами? Если они оставались дома, то рисковали быть изнасилованными на глазах собственной семьи. Если они пытались убежать, то могли стать жертвой группового изнасилования на улице.

Одна из самых страшных сцен, которую видел один иностранец, – массовое изнасилование женщин прямо на улице.

«Взвод японских солдат выстроил в ряд группу девушек, – вспоминал Роберт Уилсон, единственный иностранный врач, оставшийся в городе. – На вид им было не больше восемнадцати лет. Японцы насиловали их одну за другой, прямо в уличной грязи. Несколько девушек так и остались лежать, залитые кровью, на грязной земле».

Убийства и изнасилования шли по всему городу, когда генерал Иванэ Мацуи, все еще больной, въехал в Нанкин для участия в параде. Он позавтракал, проехал на машине по городу, потом пересел на коня, повернулся в сторону императорского дворца в Токио и трижды прокричал: «Десять тысяч лет императору!»

Во время поездки по городу генералу стало ясно, что происходит нечто позорное. Он приказал вывести из города ненужные войска. На совещании сделал выговор своим подчиненным. Офицеры выслушали выговор с изумлением, тем более что среди них был член императорской семьи.

В 1948 году, перед тем как его повесили по приговору международного военного трибунала, генерал Мацуи сказал буддийскому священнику, которого привели к нему в камеру: «Я собрал тогда всех высших офицеров. У меня на глазах были слезы гнева. Присутствовал и принц Асака. Я сказал им, что из-за жестокости солдат все потеряно. И представьте себе, даже после таких слов они буквально смеялись надо мной...»

Японское командование не собиралось наказывать насильников, считая, что женщины на оккупированных территориях для того и существуют, чтобы услаждать солдат. Родилась идея создать систему публичных домов для личного состава императорской армии. Принудительно мобилизовали десятки тысяч женщин – в основном кореянок, а также китайок

и филиппинок. Японское командование хотело иметь действенный инструмент поощрения личного состава за боевые успехи.

Первый военный публичный дом открылся рядом с Нанкином в 1938 году. С женщинами там обращались омерзительно. Многие из них совершали самоубийство не в силах вынести постоянные издевательства. Конфуцианство ценит женское целомудрие больше, чем жизнь. Считается, что женщина, потерявшая честь, должна покончить с собой. Иностранные дипломаты рассказывали, что после изнасилования Нанкина бесчисленное количество китайенок бросились в воды Янцзы. А те, кто остался жить, никогда никому не рассказывали о своем трагическом опыте. Прошло полвека, прежде чем оставшиеся в живых женщины решились нарушить обет молчания и потребовать компенсации от японского правительства.

Ни одна китайка в Нанкине не нашла в себе силы признать, что родила ребенка в результате изнасилования. Говорят, что многих таких детей тайно убили сразу после рождения. Младенцев, чьими отцами были японские солдаты, душили или топили, как котят. Можно представить себе чувства, испытанные изнасилованными китайками: вина, стыд, боль... Они стояли перед невыносимым выбором – убить нежеланного ребенка или вырастить.

Казалось, нет границ жестокой изобретательности японских солдат. Мало было изнасиловать и убить – они еще и издевались над трупами несчастных женщин. Пострадали и некоторые китайские мужчины, попав в руки японцев-гомосексуалистов. У некоторых японцев была буйная фантазия. Они пытались заставить одного китайца совершить интимный акт с мертвой женщиной – японские солдаты, пресыщенные другими удовольствиями, хотели немного развлечься.

Некоторые японские офицеры, уже не зная, чем себя порадовать, загоняли китайцев на крышу здания, поджигали дом и наблюдали за тем, как люди медленно поджариваются. Тех, кто пытался спастись и прыгал вниз, пристреливали...

Все послевоенные десятилетия историки и психологи пытаются понять менталитет японского солдата. Как трудно совместить изысканную вежливость и любезные манеры японцев с варварским поведением солдат императорской армии в Нанкине. Почему они себя так вели? Может быть, все дело в самурайских традициях? Самурай имел право отрезать голову простолюдину, если тот ответил невежливо. Сказалось также влияние военной пропаганды и школьное воспитание. Юные японцы должны были осознать, какое это великое счастье – принадлежать к японской нации. Одновременно воспитывали высокомерие в отношении других народов. На уроках истории преподаватели вывешивали батальные полотна и объясняли: «На этой картине изображены наши бравые солдаты, которые под командованием преданных императору офицеров ворвались в китайские окопы. Посмотрите, какие глупые лица у китайцев, как они боятся японского солдата. Китаезы похожи на свиней, которых собираются заколоть, чтобы в праздники поесть свежего мяса. На заднем плане видна гора трупов. Это китайцы, убитые нашими смелыми солдатами».

Новобранцам, которые прошли такую школу, молодой лейтенант говорил: «Вы еще никого не убивали, так что вам нужно попрактиковаться. Китаец – это не человек, это существо менее ценное, чем собака или кошка. Кто хочет попробовать себя, шаг вперед!»

Никто из новичков не двинулся с места.

«Труссы! – закричал лейтенант. – Никто из вас не имеет права именоваться солдатом императорской армии».

Он стал вызывать солдат по одному.

«Когда прозвучала моя фамилия, – вспоминал один из них, – трясущимися руками я поднял винтовку с примкнутым штыком и медленно двинулся на китайца, стоявшего у ямы,

которую он же сам и выкопал. Мысленно попросив прощения, с закрытыми глазами воткнул штык в китайца. Когда я открыл глаза, он уже упал в яму».

Через три месяца на фронте любой призывник превращался в демона, который легко убивал человека. Практически никто из них не испытывал сожаления и не считал себя преступником.

«Офицер показал, как одним ударом обезглавить человека, – рассказывал после войны бывший солдат. – Он предложил мне забрать отрезанную голову и отвезти домой как сувенир. Помню свою гордую улыбку, когда я взял из его рук меч и сам приступил к убийству людей».

Сколько людей погибло в Нанкине?

Китайские специалисты считают, что было убито четыреста тридцать тысяч человек. На международном военном трибунале в Токио после войны называлась цифра в двести шестьдесят тысяч. Японские историки говорят о тридцати-сорока тысячах. Многих горожан спасли иностранцы, которые по традиции пользовались особыми привилегиями. Скажем, в ноябре 1937 года один французский священник объявил японским властям, что в Шанхае образована нейтральная зона, и указал ее границы. Японцы признали эту зону, и там укрылось четыреста пятьдесят тысяч китайцев.

Дипломаты заблаговременно покинули Нанкин, предоставив оставшихся в городе иностранцев их судьбе. Дипломаты отплыли на американском корабле, который 12 декабря подвергся атаке с воздуха. Японские самолеты потопили корабль, несколько человек погибли. Японские власти уверяли, что произошла ошибка – летчики в тумане не опознали американский корабль. Но в тот день тумана не было. Японская авиация получила приказ потопить американский корабль. Скорее всего, это была попытка проверить, какой будет реакция американцев. 13 декабря президент Соединенных Штатов Франклин Рузвельт сказал, что он «потрясен», и потребовал компенсации от императора Хирохито.

Поразительным образом два десятка иностранцев, оставшихся в Нанкине, сумели спасти множество людей. Это были миссионеры, врачи и торговцы. Они воспользовались тем, что японские войска сохраняли некий пиетет к иностранцам. Нелепость ситуации состояла в том, что десятью годами ранее проблемы у иностранцев в Нанкине возникли именно с китайскими войсками. Когда армия националистов брала город, она безжалостно убивала иностранцев.

Немалую роль сыграл немецкий бизнесмен Йон Рабе. В памяти китайцев он остался настоящим героем, «живым Буддой Нанкина». Рабе приехал в Китай еще в 1908 году, работал в представительстве компании «Сименс». Продавал китайскому правительству телефонные аппараты и электрическое оборудование. Его механики обслуживали турбины городской электростанции, телефонную сеть и большую рентгеновскую установку в главной городской больнице.

Японцы держались с ним настороже – он не просто был гражданином дружественного государства, но еще и руководителем местной организации нацистской партии.

Рабе описывал в дневнике, как он остановил японских солдат, которые насильовали китайянку. Он пытался доставлять рис голодающим. Он спрятал шестьсот пятьдесят китайцев. И выставил японцев, которые хотели войти в его дом. «Это было опасное дело, – вспоминал Рабе. – У японцев были штыки и пистолеты, а у меня была только повязка со свастикой на рукаве».

Особый статус Рабе ставил японцев в тупик. К американцам и другим иностранцам они относились пренебрежительно. А к Йону Рабе – с опасливым уважением. Ворвавшись в его дом и увидев свастику, японские солдаты ретировались.

Видимо, не понимая, как нелепо жаловаться в Берлин на жестокость японских войск, Рабе отправил письмо фюреру и рейхсканцлеру Германии Адольфу Гитлеру: «Они будут

продолжать насилловать женщин и девочек и убивать всех и вся, кто пытается убежать или просто оказался в неудачное время в неудачном месте. Они насилуют даже девочек и очень пожилых женщин, притом в самой грубой форме. Я видел эти жертвы собственными глазами».

Йон Рабе умер в 1950 году. В 1996 году опубликовали его дневник, в котором он описал жестокость, с которой действовала японская армия в Нанкине. Теперь его сравнивают с промышленником Оскаром Шиндлером, который спасал евреев...

Мир узнал об устроенной в Нанкине резне благодаря трем американским корреспондентам, которые находились в городе. Последний из них покинул город 16 декабря. Он видел трупы китайцев со связанными за спиной руками. Один из тех, кого уже поставили на колени, умолял его о спасении. «Но я ничего не мог сделать, – писал в отчаянии американский корреспондент. – Последнее, что я видел в Нанкине, – это мертвые, мертвые, мертвые китайцы».

Когда американские журналисты покинули город, других иностранных корреспондентов в Нанкин не пустили. Зато туда привезли японских фотокоров, которые снимали умиротворительные сцены: китайские дети приветствуют японских солдат. Но американское правительство получало информацию и из другого источника.

Японское министерство иностранных дел пользовалось шифровальной машиной при переписке со своими посольствами, но в 1936 году американская армейская служба связи сумела расколоть японский шифр. Разведчики читали переписку министерства с посольством в Вашингтоне.

26 декабря 1937 года министр иностранных дел Коки Хирота отправил телеграмму своему послу в Вашингтоне Хироси Сайто с указанием помешать американским дипломатам вернуться в Нанкин. «Если они вернутся и получают информацию о военных операциях, – откровенно писал министр, – мы окажемся в неблагоприятной ситуации. Наилучший вариант – удерживать их в Вашингтоне как можно дольше. Даже если это вызовет недоброжелательную реакцию, это лучше, чем рисковать скандалом в Нанкине».

В городе при японцах появился опиум. До оккупации опиум был под запретом, его курили в тайных курильнях только аристократы и богатые торговцы. При японцах можно было смело ходить в притон. Японцы сами расплачивались наркотиками за работу, давали наркотики проституткам. Это явно была политика – сделать как можно больше китайцев наркоманами. Даже детям предлагали сигареты с героином.

Наркотик был единственной возможностью хотя бы ненадолго уйти от чудовищной реальности. Некоторые китайцы пытались покончить с собой, приняв большую дозу опиатов. Они надеялись хотя бы умереть счастливыми. Распространение наркомании способствовало и росту бандитизма в городе.

В 1945 году японцы оставались в Нанкине до самого дня капитуляции, а потом очень быстро покинули город. Говорят, что видели японцев, которые стояли на коленях, а их избивали местные жители. Но это были единичные случаи. Японцы эвакуировались, не оставив китайцам возможности отомстить им. А китайцы до последнего не верили, что все кончилось, Япония разгромлена, – боялись, что японцы могут вернуться.

В 1946 году в Нанкин доставили бывшего генерал-лейтенанта императорской армии Хисао Тани. Он командовал 6-й дивизией, которая хозяйничала в городе. 10 марта 1947 года его приговорили к смертной казни за убийства военнопленных и гражданского населения. 26 апреля его провели по городу со связанными за спиной руками и расстреляли. Свидетели говорили, что с ним обошлись гуманнее, чем он поступал со своими жертвами.

Генерал-лейтенант Кэсаго Накадзима, чьи войска также бесчинствовали в городе, умер от уремии и цирроза печени в октябре 1945 года. Говорили, что он сильно пил и покончил

с собой. Его сын утверждал, что генерал пострадал, вдохнув отравляющие газы во время посещения военно-химической лаборатории.

Японское командование успело уничтожить значительную часть документов военного времени – у него было время до высадки войск генерала Макартура. Тем не менее 3 мая 1946 года в Токио начал работу международный военный трибунал. На процессе выяснилось, что японские власти и императорская армия по жестокости превзошли даже нацистов. Если в немецком плену умирал один из двадцати пяти американских военнопленных, то в японском – каждый третий.

Главным обвиняемым по делу о Нанкине был генерал Мацуи, хотя его самого не было в городе в момент его взятия. Говорят, он горько сожалел о крови, пролитой его войсками. Но на процессе он говорил только о том, что готов умереть за императора: «Я буду счастлив окончить свою жизнь таким образом. Я готов умереть в любую минуту». Дядю императора Хирохито принца Асаку, который отдал приказ убивать всех пленных, даже к суду не привлекли. Американцы решили не трогать императорскую семью...

В войне с Китаем, которой императорская армия в 1930-е годы оккупировала шаг за шагом, не соблюдались никакие правила и традиции. Здесь творили то, на что не решались в Европе.

Приказ о создании химического оружия был отдан еще в 1919 году, когда японские войска высадились на российском Дальнем Востоке. Боевыми отравляющими веществами заряжали авиабомбы, артиллерийские снаряды, мины и канистры – для распыления с воздуха. В 1933 году, сразу после прихода нацистов к власти, Япония тайно закупила у Германии оборудование для производства иприта, которое установили в префектуре Хиросима.

На вооружении японской армии находились десять видов боевых отравляющих веществ. Все они хорошо известны: фосген, иприт и другие. Японские ученые присвоили им свои наименования: «голубой № 1», «желтый № А», «белый № 1»...

Применением химического оружия занимался специальный отряд № 516, расквартированный в Китае, в Маньчжурии. Боевые отравляющие вещества испытывались на военнопленных и просто на китайских крестьянах, которых ловила жандармерия. В отряде была своя газовая камера. Для полевых испытаний выезжали на полигон: там людей привязывали к деревянным столбам и обстреливали химическими снарядами.

С 1937 по 1945 год японская армия периодически применяла отравляющие вещества против китайцев. Погибли тысячи человек. Жертв могло быть больше, но химическое оружие оказалось не очень эффективным. К 1945 году на армейских и флотских складах хранилось 4900 тонн боевых отравляющих веществ – 118 тысяч снарядов и 574 тысячи канистр для распыления химического оружия.

В августе 1945 года, сразу же после капитуляции, был отдан приказ сжечь всю документацию, относящуюся к химическому оружию, и уничтожить сами вещества. Канистры вывозили на лодках в море и топили. Со временем канистры проржавели и хранившиеся в них вещества стали причиной смерти нескольких человек. В основном пострадали рыбаки, которые вылавливали канистры сетями, и строительные рабочие, натывшиеся на снаряды при рытье котлованов и кладке фундамента...

Опыты на людях

Японцы невероятно жестоко обращались с оказавшимися в их власти китайцами или корейцами.

«Я никогда не смогу забыть, – писал один английский профессор, – массовых убийств беззащитных корейцев после страшного японского землетрясения 1923 года.

Пронесся слух, будто корейцы намеревались, воспользовавшись разрухой после землетрясения, совершить нападение на Японию. Как могли корейцы осуществить это нападение – оставалось тайной, когда у них не было даже судов, чтобы доплыть до Японии. Корея же была колонией Японии. Но слухи распространялись, и японцы, которые жили в Корее, вооружились мечами и отправились убивать каждого – мужчин, женщин, детей, кто не мог доказать своего японского происхождения. Не менее восьми тысяч корейцев было убито».

Чем можно объяснить фантастическую жестокость, проявленную японцами в годы Второй мировой войны? Особенно опыты, проводившиеся японскими военными врачами на живых людях, в первую очередь на китайцах. Вот как они описаны в знаменитой книге японского писателя Сэйити Моримуры «Кухня дьявола»:

«...Мальчику приказали раздеться и лечь на операционный стол. Тотчас же на лицо ему наложили маску с хлороформом. С этого момента он не ведал, что творят с его телом.

Тело мальчика протерли спиртом. Один из опытных сотрудников группы взял скальпель, вонзил его в грудную клетку и сделал разрез в форме латинской буквы V. Вскрытие началось.

Из тела мальчика сотрудники группы один за другим вынимали внутренние органы: желудок, печень, почки, поджелудочную железу. Их разбирали и бросали в стоявшие здесь же ведра, а из ведер тотчас же перекладывали в наполненные формалином стеклянные сосуды, которые закрывались крышками. Органы в формалиновом растворе еще продолжали сокращаться.

"Смотрите! Да они еще живые!" – сказал кто-то...»

Занимались этим военные медики из секретного «отряда 731» управления по водоснабжению и профилактике частей японской Квантунской армии. Эта армия располагалась в оккупированном Японией Китае. Руководил «отрядом 731» генерал-лейтенант медицинской службы Сиро Исии. Официально отряд должен был бороться с эпидемиями. На самом деле он разрабатывал биологическое оружие и занимался преступными экспериментами.

«...Нетронутой осталась только голова мальчика... Один из сотрудников... скальпелем сделал разрез от уха к носу... в ход пошла пила. В черепе было сделано треугольное отверстие, обнажился мозг. Сотрудник отряда взял его рукой и быстрым движением опустил в сосуд с формалином. На операционном столе осталось нечто, напоминавшее тело мальчика, – опустошенный корпус и конечности.

Вскрытие окончилось...»

Бывший служащий «отряда 731» через много лет после войны рассказывал писателю: «Это был еще совсем ребенок, и ни в каком антияпонском движении он участвовать не мог. Я только потом понял, что его вскрыли потому, что хотели получить внутренние органы здорового мальчика».

«Это была даже не казнь, – писал Сэйити Моримура. – Просто доставка мяса к столу дьявола. Имя китайского мальчика осталось неизвестным. И он никогда не узнает, почему его лишили жизни. Только короткий насильственный сон – и все для него было кончено...»

«Отряд 731» проводил эксперименты в интересах вооруженных сил. Эксперименты проводились на живых людях Пленных китайцев, которые жандармерия и спецслужбы передавали «отряду 731», именовали «бревнами». Помимо китайцев это были монголы, корейцы

и даже русские эмигранты, оказавшиеся в Китае после русской революции. Среди них были и женщины, арестованные по подозрению в антияпонских настроениях.

«Бревна» считались человеческими организмами, но не людьми. «Бревно» вместо имени имело номер. Когда оно становилось непригодным для дальнейшего использования, его номером обозначали новое «бревно», поступившее на «склад».

Наверное, сотрудники отряда убеждали себя, что те, на ком они проводили эксперименты, – другие, чем остальные люди, поэтому их можно и нужно умерщвлять. Им, возможно, нравилось ощущать себя людьми, которым подвластны жизнь и смерть.

Сэйити Моримура: «...Право вскрыть живого человека и произвести эксперимент над ним принадлежало той группе, за которой он был закреплен. Но когда вскрытие заканчивалось, органы и части тела подопытного распределялись между всеми группами. Они заранее представляли заявки – такая-то группа получает тонкий кишечник и поджелудочную железу, мозг получает такая-то группа, на сердце претендует такая-то...»

Японские врачи пунктуально исполняли свои обязанности в «отряде 731». Видимо, вера в исполнение патриотического долга позволяла им с полной отдачей сил и без ущерба для психики заниматься тем, что они делали.

«...Подопытные в "отряде 731" "использовались" стой же рациональностью, с которой употребляется японцами рыба: чешуя идет на удобрение, сама рыба варится или жарится, а из костей, плавников и так далее варится уха. В этом смысле при "использовании" подопытных тоже не было отходов...»

Может быть, они просто были садистами и испытывали патологическое наслаждение при виде чужих страданий? Скорее, японские врачи относились к китайцам, как обычные исследователи – к лабораторным крысам. Они трудились неустанно. Все это были бесконечно амбициозные ученые.

«...Вскрытие живых людей начальник отряда генерал Исии считал "экспериментом", имеющим для исследователей большую притягательную силу, и использовал это как приманку, привлекая на службу ученых-медиков. После войны бывший служащий отряда рассказывал: "Вот, к примеру, возьмите профессора N. Он прославился многочисленными сложными операциями и получил от правительства орден. Где же он так набил руку? Где он приобрел такой опыт? В «отряде 731»"...»

Бывший служащий «отряда 731» вспоминал:

«Мы считали, что "бревна" не люди, что они даже ниже скота. Среди работавших в отряде ученых и исследователей не было никого, кто хотя бы сколько-нибудь сочувствовал "бревнам". Все считали, что истребление "бревен" – дело совершенно естественное. Мы сражались ради того, чтобы бедная Япония стала богатой и чтобы обеспечить мир в Азии...»

«Бревно» помещали в большую центрифугу, вращали с огромной скоростью и ждали, когда наступит смерть.

Через какое время наступит смерть, если «бревно» подвесить вниз головой? А что произойдет, если ввести в вены воздух? Если легкие человека заполнить большим количеством дыма? Если дым заменить ядовитым газом? А как отреагирует человеческий организм, если заменить человеческую кровь лошадиной?

«...Выяснялось, какое количество крови можно выкачать из одного "бревна". Кровь выкачивали с помощью насоса. Из человека в прямом смысле выжимали все.

Во время эксперимента по голоданию подопытному просто не давали есть и регистрировали, сколько времени он проживет на одной воде. Аналогичными были эксперименты, когда подопытному давали только хлеб, но не давали ни капли воды.

Когда подопытному давали одну воду, он жил в среднем от шестидесяти до семидесяти дней. Если его лишали воды, уже на пятый день у него отекало лицо и он начинал испыты-

вать страшные мучения. На седьмой день у всех без исключения подопытных шла горлом кровь и они умирали...»

Если люди верят, что они действуют в интересах государства, если они исполняют приказ, высшую волю, если «так надо» – они легко отбрасывают все моральные соображения и превращаются в монстров и готовы совершать преступления неслыханной жестокости.

«...Подопытных выводили вечером на мороз и заставляли их опускать руки в бочку с холодной водой. Затем их заставляли с мокрыми руками стоять на морозе. Или ночью выводили на мороз босыми и заставляли стоять на снегу.

На сильном морозе процесс обморожения развивался буквально на глазах. Кожа подопытных сначала белела, потом становилась красного, потом фиолетового цвета и покрывалась волдырями. После этого она делалась багово-черной.

Чтобы выяснить, наступило ли полное обморожение, экспериментаторы били по рукам и ногам подопытных палками. Если люди чувствовали боль, значит, обморожение было неполным. Убедившись, что омертвление наступило, экспериментаторы возвращали подопытных в помещение...»

Врачи «отряда 731» говорили, что их работа приравнивается к службе на передовой. На самом деле в первую очередь всех сотрудников отряда интересовала научная карьера.

«...Теперь руки и ноги "бревен" помещали в чуть теплую воду. Температуру постепенно повышали и смотрели, как изменяется состояние конечностей при каждом режиме. Иными словами, пытались выявить оптимальную для лечения зависимость между степенью обморожения и температурой воды...»

В конце 1970-х китайский политический деятель Дэн Сяопин дважды побывал в Японии. Он не стеснялся говорил о китайской отсталости: «У тебя уродливое лицо, незачем выставлять себя красавцем», – и о желании закрыть ту главу истории, в которой Китай и Япония враждовали: «Мы у вас учимся, мы уважаем японский народ, великий, усердный, храбрый и умный».

Но китайцы ничего не забыли.

Не так давно японские моряки арестовали капитана китайского траулера, ловившего рыбу неподалеку от островов в Восточно-Китайском море, на которые претендуют обе страны. Пять необитаемых островков в Восточно-Китайском море составляют грядку, которая по-китайски называется Дяоюйдао, а по-японски – Сенкаку. Они стали предметом спора после войны. В 1978 году Дэн Сяопин предложил Китаю оставить территориальный спор будущим поколениям. Но Япония повторяет: «Территориальной проблемы между Японией и Китаем нет». И постоянно пытается доказать, что острова – японские. Это вызывает раздражение всех китайцев.

На арест японцами китайского капитана Пекин дал ответ в самой жесткой форме: прекратил поставки в Японию редкоземельных элементов. Под ударом оказалась вся японская электронная промышленность. На свободном рынке этих элементов нет. Японские производители не могли исполнить экспортные контракты и несли колоссальные убытки. Токио пришлось отступить в территориальном споре и освободить китайского капитана. В Японии, чьи недра пусты, с горечью называют полезные ископаемые «экономическим оружием XXI века».

Китайцы охотно пускают в ход это оружие. Они добиваются преимущественного доступа к ресурсам Азии и Африки, но не подпускают к собственным природным ископаемым. Они ввели квоты на экспорт редкоземельных металлов, необходимых для высокотехнологических производств – гибридных автомобилей, жестких дисков для компьютеров. Примерно девяносто пять процентов таких металлов, как лантан и неодим, добывается в Китае, поэтому КНР – практически монополист – соглашается продавать эти элементы только по очень высокой цене. И грозит вовсе прекратить экспорт ряда полезных ископаемых к 2015

году. Протесты США, Европейского союза, Японии в Пекине отвергли: правила Всемирной торговой организации позволяют стране сохранять свои природные ресурсы.

Долгие годы по экономическому могуществу Япония была второй державой мира. В 2010 году Китай обогнал своего давнего соперника по объему валового внутреннего продукта. Не японская, а китайская экономика стала второй в мире. В феврале 2011 года министр экономики Японии признал поражение: «Мы как соседи очень рады, что Китай добился такого гигантского прогресса. Китай – один из столпов экономического роста в регионе».

В Пекине не стесняются демонстрировать свою мощь, если китайцам кажется, что их задевают. Они не колеблясь отправили свой военный флот в Южно-Китайское море, чтобы подкрепить свои претензии на район, на который претендуют шесть стран Юго-Восточной Азии, – здесь обнаружены большие запасы нефти и газа. Речь идет об архипелагах Параселы в Тонкинском заливе и Спратли в южной акватории Южно-Китайского моря (по сотне коралловых островов в каждом). Тут уже не раз сталкивались боевые корабли.

Часть вторая Беспокойный сосед

Китаю в определенном смысле не везет. Его постоянно подозревают в дурных намерениях и зловещих замыслах...

Нависающий над российским Дальним Востоком Китай с его астрономическим населением многим у нас кажется чудовищной опасностью. Не покусится ли народ без жизненного пространства на незаселенные сибирские просторы?

У России и Китая огромная общая граница. Она проходит причудливой линией по землям, с которых некогда совершали свои набеги завоеватели – то гунны, то монголы, то казахи. На протяжении истории граница переносилась то туда, то сюда. Все это создавало основу для взаимной нетерпимости.

Невозможно игнорировать и реалии демографического характера. Дурные предчувствия преследуют российских лидеров, особенно на пустующем Дальнем Востоке, когда они думают о том, как стремительно растет население Китая.

Но не преувеличены ли слухи о коварстве китайцев? И в XIX веке в России много писали и говорили о китайской опасности – а воевать в XX веке пришлось с Германией. Китай же входил в антигитлеровскую коалицию и был союзником СССР.

Страх перед Китаем многообразен. Одни говорят, что стремительно развивающийся Китай с его самой большой в мире армией может в будущем представлять прямую военную опасность для России. Другие боятся, что российский Дальний Восток превратится в сырьевой придаток Китая. Третьи опасаются, что китайцы мечтают заселить пустынные просторы Дальнего Востока, откуда русские уезжают.

В Москве есть специалисты, которые считают, что поспешная демилитаризация российского Дальнего Востока породила у местного населения чувство неуверенности – даже более сильное, чем во времена прямого советско-китайского противостояния и боев на острове Даманский.

Отношения между нашими странами в последнее столетие складывались очень сложно. Это наследство незримо присутствует в дне сегодняшнем.

Мао и Сталин

Когда в декабре 1949 года в Москву приехал вождь китайских коммунистов Мао Цзэдун, во всем мире с надеждой или со страхом следили затем, что теперь произойдет. После создания народного Китая советские и китайские коммунисты сообща владели уже третью мира. И судьба всего человечества зависела от того, как складываются отношения Сталина и Мао. Что они замышляют вдвоем? И чего ждать от нового хозяина Китая, которого в мире еще совершенно не знали?

В декабре 1949 года в Москве пышно отмечали семидесятилетие советского вождя. Мао как дорогой и почетный гость сидел рядом со Сталиным. Но никто не знал, о чем они договорились. И договорились ли вообще. Ходили слухи, что Сталин не очень доверяет слишком самостоятельному Мао Цзэдуну, что он поддерживал совсем других людей в руководстве китайской компартии, но его главного любимца отравили, и что Мао намерен держаться наособицу, потому что он сам великий вождь.

1 октября 1949 года Мао Цзэдун появился перед огромной толпой на пекинской площади Тяньаньмэнь и провозгласил создание Китайской Народной Республики. Толпа восторженно кричала: «Да здравствует председатель Мао!» Он взмахнул рукой и ответил: «Да здравствует народ!» И с этого дня загадочный Мао оставался в центре внимания всего мира. При жизни его фигура была скрыта покровом таинственности и благоговения в значительно большей степени, чем это бывало с китайскими императорами. Его высказывания цитировались с трепетным страхом. И кто мог суверенностью сказать, что понимает Мао и способен предугадать его шаги?

Жизнь Мао Цзэдуна – это увлекательный роман о крестьянском сыне из Южного Китая, который поставил перед собой цель завоевать Поднебесную, нашел восторженных последователей, боролся сначала с японцами, а затем с собственным правительством, всех одолел и стал неограниченным властителем страны с миллиардным населением.

Мао родился 26 декабря 1893 года в крестьянской семье в деревне Шаошань (провинция Хунань). Его имя Цзэдун в переводе с китайского означает «Сияющий на Востоке». Мао обожал свою мать и ненавидел отца. Во время культурной революции он говорил: «Мой отец был плохим человеком. Если бы он был сейчас жив, ему следовало бы сделать "самолет"...» (так хунвэйбины поступали со своими жертвами: выкручивали им руки за спиной, а голову опускали вниз).

Как это ни странно для вождя революции, Мао был человеком книги, а не действия. Он хотел учиться, много читал, писал стихи. Поздно вставал и с юных лет страдал от бессонницы. Знакомство со снотворными улучшило его жизнь. Он даже сравнил изобретателя снотворных с самим Карлом Марксом.

В юные годы Мао был невысокого мнения о своем народе: «По своей природе люди в нашей стране инертны, лицемерны, довольствуются рабским положением и полны предрассудков... Страна должна быть разрушена, а затем построена заново».

Мао Цзэдун преподавал в школе историю, но не собирался довольствоваться столь скромной ролью. «Такие люди, как я, – говорил он, – в долгу лишь перед самими собой. Мы ничем не обязаны другим... Великие герои становятся могущественными, неистовыми и непобедимыми. Сила героев подобна урагану, вырывающемуся из теснин ущелья, подобна сексуальному маньяку, охотящемуся за своей жертвой. Их не остановить...»

Мао увлекся коммунистическими идеями и подумывал о поездке в Мекку революции – Россию. Пытался брать уроки русского у одного эмигранта, но не осилил даже алфавита.

Маньчжурская династия Цин правила в Пекине с 1644 года Маньчжуров было меньше ханьцев – основной этнической группы Китая, поэтому свержение правящей династии вос-

принималось как освобождение от власти инородцев. Символическим актом стало избавление от косы, которую носили мужчины. Короткие волосы означали поддержку революции. Косы обрезали принудительно. А маньчжурам еще и отсекали головы. Восставшие революционеры писали: «У маньчжура сердце змеи, нрав хищного зверя. Режь монголов и маньчжур, убивай заморских скотов!»

29 декабря 1911 года в Нанкине вождя революции Сунь Ятсена провозгласили временным президентом Китайской республики. 12 февраля 1912 года вдовствующая императрица Лун Юй обнародовала декрет об отречении. В октябре 1919 года Сунь Ятсен преобразовал Чжунхуа гэминьдан (Китайскую революционную партию) в Чжунго гоминьдан (Китайскую национальную партию).

Сунь Ятсен искал союза с Москвой, считал, что революционерам нужно держаться вместе. Партия гоминьдан дважды пыталась вступить в Коминтерн, но ее не приняли. Идеологи мировой революции в Москве считали, что в первую очередь обязаны поддерживать коммунистов, а не националистов.

После кончины Сунь Ятсена от рака главой центрального правительства Китая стал генерал Чан Кайши. Он побывал в Советском Союзе задолго до Мао Цзэдуна – осенью 1923 года, еще будучи начальником штаба китайской армии. Его принял секретарь ЦК партии Ян Эрнестович Рудзутак.

«Мы, представители партии гоминьдан, – уважительно говорил ему Чан Кайши, – прибыли в Москву для того, чтобы ознакомиться с российской коммунистической партией в лице ее Центрального комитета и получить советы для нашей работы».

Чан Кайши руководил страной двадцать два года – пока в 1949 году его не одолел Мао Цзэдун.

Компартия Китая образовалась с помощью Коминтерна. Советские руководители разрывались между гоминьданом и китайской компартией. Дружить хотели и с правительством как реальной властью, и с товарищами-коммунистами.

Сталин старался помешать тому, чтобы Китай перешел под управление японцев, пытавшихся захватить страну. Но он и не желал укрепления китайского правительства, чтобы оно не стало слишком сильным – в таком случае исчезнет желание ориентироваться на Москву. Сталин одновременно помогал центральному правительству Чан Кайши в борьбе против японцев, и он же поставлял оружие коммунистической армии Мао Цзэдуна, чтобы она сражалась против Чан Кайши. Правда, все делалось скрытно, с соблюдением конспирации.

В секретном решении политбюро, принятом в 1924 году, записали:

«О Китае

Принять план политической работы, предложенный тов. Караханом, и отпустить 500 000 рублей, 10 000 винтовок и известное количество орудий, возложив личную ответственность за отпуск оружия на тов. Фрунзе».

Лев Михайлович Карахан был заместителем наркома по иностранным делам и занимался делами Востока, Михаил Васильевич Фрунзе – председателем Реввоенсовета и наркомом по военным и морским делам.

Оружие военная разведка передавала китайским коммунистам через третьи руки, чтобы у правительства Чан Кайши не было формального повода для протеста. Межгосударственные отношения должны были оставаться нормальными.

Старый большевик Михаил Михайлович Лашевич, отправленный в 1926 году заместителем председателя правления Китайско-Восточной железной дороги, жаловался из Харбина Серго Орджоникидзе, председателю Центральной контрольной комиссии партии:

«Мы сошлись на одном: постепенно уменьшить количество и пышность всяких приемов и банкетов, не оскорбляя самолюбие китайцев. Но что ты поделаешь, ежели всякий прием у них связан с шампанским.

Я приехал в восемь часов утра, и на вокзале официальная встреча началась с шампанского, то же самое, когда я наносил визиты всем китайским чиновникам. И у меня при визитах всегда шампанское. Что же, кто-нибудь поверит, что мы любители этого пойла? Всем известно, что я предпочитаю водку: и дешевле, и полезнее. Да и пью я мало – болен...

А как я должен жить? Разве же я когда-нибудь так одевался? Визитки, фрак, смокинг, крахмальные рубахи, лакированные туфли и прочая пакость. Отказаться от этого нельзя, можно нарваться на скандал. А в Москве я щеголял в гимнастерке и шинели... У меня квартира в десять комнат, три китайских прислуги. Мне что ли это нужно? Да ведь за это меня надо наградить орденом, за страдания, которые испытываю, попав в эту ужасную обстановку...

У меня привычки скромные, я не избалован и еще недостаточно испорчен по части мотовства и излишеств. Я выпивал и выпиваю. Но все знают, что я не любитель кабаков, а люблю выпить со своими ребятами дома. И если приходится общаться со всякой сволочью, так ведь это же подвиг. А если бы ты видел, кому мне приходится руку жать, разговаривать и даже с ними обедать – ужас...»

Ему недолго пришлось страдать на заграничной работе от обилия приемов, шампанского и прислуги.

В Китай отправили большой отряд военных советников, командиров Красной армии, и разведчиков. Они помогали и гоминьдану, и компартии. Эта двойственность определяла отношения между двумя странами. И Чан Кайши то отчаянно нуждался в советской помощи и тогда терпимо относился к коммунистам, то пытался задушить компартию и ссорился с Москвой. В 1927 году Чан Кайши приказал арестовать коммунистов и изгнал из страны советских военных.

6 апреля 1927 года китайская полиция устроила налет на советское полпредство в Пекине и арестовала несколько сотрудников резидентуры, которые работали в составе полпредства и торгового представительства. Появление китайской полиции и солдат в советском полпредстве оказалось неприятным сюрпризом: китайцы захватили секретную переписку. Правительственные войска расстреливали коммунистов. Погибли тысячи людей. Казнили и вторую жену Мао Цзэдуна – Кайхуэй.

В первый раз его женил отец, когда Мао исполнилось всего четырнадцать лет, невеста была на четыре года его старше. Они пробыли в браке год, в 1910 году она умерла. Американскому журналисту Эдгару Сноу Мао рассказывал: «Я никогда нежил с ней. Я не считал ее своей женой и почти не думал о ней».

Он женился на Ян Кайхуэй, дочери своего преподавателя, но со временем утратил к ней интерес. Когда ушел вместе с партизанами в горы, то нашел себе третью жену – Гуйюань, которой было восемнадцать лет. Мао бросил Кайхуэй, родившую ему троих сыновей. Она страдала без мужа, постоянно думала о Мао. Передавала мужу квашеную фасоль с красным перцем – любимое блюдо Мао. Писала ему стихи:

Я уже много дней не сплю.
Я просто не могу спать. Я схожу сума.
Прошло уже столько дней, а он не пишет.
Я жду день за днем.
Слезы...
Если бы только я могла забыть его. Но его прекрасный образ!
Как я люблю его! Небеса, дайте мне верный ответ!

Солдаты сняли с расстрелянной жены Мао башмаки и забросили их подальше – таково было поверье, иначе дух убитой женщины стал бы их преследовать. Когда солдаты ушли обедать, выяснилось, что женщина еще жива. Солдаты вернулись и добились ее.

Русские сражаются в Китае

Среди военных советников, присланных из Москвы, были очень известные люди. Прославленный полководец Василий Константинович Блюхер окончил Первую мировую унтер-офицером, отличился в Гражданскую. В 1921 году впервые попал на Дальний Восток в роли военного министра и главнокомандующего Народно-революционной армией буферной Дальневосточной республики.

В 1924 году его командировали в Китай главным военным советником. Он взял себе экзотический псевдоним Зой Всеволодович Галин – по именам детей и жены. Одновременно с ним советским военным атташе в Китае был другой будущий маршал – Александр Ильич Егоров. Помощником к нему отправили одного из создателей Красной армии Валентина Андреевича Трифонова (см. «Вопросы истории», 2001, № 11, 12).

Вернувшись домой в марте 1926 года, Валентин Трифонов отправил в политбюро записку «О работе полномочного представительства Советского Союза в Китае». Его взгляды резко разошлись с мнением политического и военного руководства страны.

«Наши советники встали на путь создания просоветского правительства, – писал Трифонов. – Создавать в Китае правительство нашими руками – это авантюризм... То, что делается Советским полпредством в организации вооруженных сил Китая, является в чистом виде беспочвенной военной авантюрой. Стоит эта авантюра огромных средств советских налогоплательщиков и нашей репутации в Китае...»

Наша политика такова, что столкновения в Маньчжурии и на КВЖД – неизбежны. Китайский народ рассматривает нашу активность в Китае и на КВЖД не как помощь национально-освободительному движению, а как империализм...

Мне кажется, что надо сначала выяснить, кому и для чего мы помогаем, и только потом помогать. Иначе наша миссия в Китае сведется к тому, чтобы поддерживать в Китае состояние непрерывной вооруженной борьбы, в чем нас склонны обвинять некоторые круги китайцев».

Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД) была построена Россией в соответствии с русско-китайской декларацией 1898 года о предоставлении России в аренду на двадцать лет Порт-Артура (Люйшунь) и Дальнего (Далянь) и права на постройку железнодорожной ветки Транссибирской магистрали в эти порты. Движение поездов началось в июле 1903 года. КВЖД проходила по территории Северо-Восточного Китая до станции Суйфыньхэ, несколько веток вели в Дальний, Порт-Артур и другие города. Конвенция утратила силу после поражения России в войне с Японией – тогда и начались трудности с управлением КВЖД.

Армейское и политическое руководство выводы Валентина Трифонова отвергло. В Москве все еще верили в мировую революцию и надеялись поднять революционную волну в беднейшем Китае. Начальник Политуправления РККА Андрей Сергеевич Бубнов заявил на заседании комиссии политбюро: «Соображения Трифонова находятся в противоречии с той линией, которую мы ведем».

Валентина Трифонова из армии убрали. Но он оказался прав.

В 1927 году, когда Чан Кайши приказал арестовать коммунистов и изгнал из страны советских военных советников, Китай из потенциального союзника превратился во врага. В декабре правительство в Нанкине разорвало отношения с Москвой. В том же году резко ухудшились отношения не только с Китаем, но и Великобританией. Британское правительство разорвало дипломатические отношения с Советским Союзом.

Информационный отдел ОГПУ докладывал о реакции на выступление наркома по военным и морским делам Климента Ефремовича Ворошилова перед участниками москов-

ской губернской партийной конференции: «Среди городского и сельского населения распространились по многим районам Союза слухи о близкой войне. На этой почве в отдельных местностях среди некоторой части городского и сельского населения создалось паническое настроение. Местами население старалось запастись предметами первой необходимости: солью, керосином, мукой... Отмечаются случаи отказа крестьян продавать хлеб и скот на советские деньги, благодаря чему сократился подвоз этих товаров на рынок».

Вопрос о возможности войны обсуждался на пленуме ЦК партии в июле 1927 года. Сталин, выступая, говорил: «Война неизбежна – это не подлежит сомнению. Но значит ли это, что ее нельзя оттянуть хотя бы на несколько лет? Нет, не значит. Отсюда задача: оттянуть войну против СССР либо до момента вызревания революции на Западе, либо до момента, когда империализм получит более мощные удары со стороны колониальных стран – Китая и Индии».

10 июля 1929 года китайская полиция арестовала советских работников Китайско-Восточной железной дороги, которая находилась в совместном владении. Этот эпизод был использован для силовой акции против слабого Китая.

Решением Реввоенсовета 6 августа 1929 года все военные силы на Дальнем Востоке были объединены в Особую Дальневосточную армию (ОДВА). Ее возглавил Василий Блюхер как главный специалист по региону. 16 августа Советский Союз разорвал дипломатические отношения с Китаем.

Сталин санкционировал отправку в Маньчжурию отрядов специального назначения, которые должны были поднять там восстание.

Советские военные разведчики, которые успешно действовали в Китае, помогали китайским коммунистам. Среди них был знаменитый Рихард Зорге, который в ноябре 1929 года приступил к работе в 4-м управлении штаба Рабоче-крестьянской Красной армии. Ему сразу предложили ехать в Китай, который стал полем боя между Советским Союзом и Японией. Зорге появился в Шанхае в качестве корреспондента немецкой сельскохозяйственной газеты. Радиостом ему дали немца Макса Клаузена, который в Шанхае женился на русской женщине – Анне Жданковой. В Шанхае Зорге познакомился с японским журналистом Ходзуми Одзакэ, который станет одним из главных его помощников.

Рихард Зорге завел отношения с разочарованной женой одного из немецких военных советников в штабе правительственной армии и раздобыл коды генерального штаба. Это позволяло знать о перемещениях гоминьдановских войск. Но Зорге работал в основном с левыми, коммунистами, и его довольно быстро отозвали, боясь, что китайская полиция его расшифровала.

В октябре 1929 года начались боевые столкновения с китайцами. Перед Блюхером поставили программу-минимум: нанести чувствительный удар по Китаю и «преподать урок» Чан Кайши. Программа-максимум – поднять революционное восстание в соседней Маньчжурии, создать там дружественное Советскому Союзу правительство.

7 октября 1929 года Сталин объяснял своему ближайшему помощнику в политбюро Вячеславу Михайловичу Молотову:

«Пора нам перейти на точку зрения организации повстанческого революционного движения в Маньчжурии. Отдельные отряды, посылаемые нами в Маньчжурию для выполнения отдельных эпизодического характера заданий, – дело, конечно, хорошее, но это не то. Теперь надо пойти на большее.

Нам надо организовать две полковые бригады главным образом из китайцев, снабдить их всем необходимым (артиллерия, пулеметы и т. д.), поставить во главе бригад китайцев и пустить их в Маньчжурию, дав им задание: поднять восстание в маньчжурских войсках, развернуться в дивизии, занять Харбин, установить революционную власть...

Никаким "международным правам" не противоречит это дело. Всем будет понятно, что мы против войны с Китаем, наши красноармейцы охраняют лишь наши границы и не имеют намерения перейти на китайскую территорию, а если внутри Маньчжурии имеется восстание, то это вполне понятная штука в обстановке того режима...»

Военную операцию Василий Блюхер провел успешно. Слабая китайская армия не могла сдержать напора войск Блюхера. Чан Кайши уступил. 29 декабря 1929 года в Хабаровске было подписано соглашение с Китаем об урегулировании ситуации на Китайско-Восточной железной дороге. Советские войска покинули территорию Маньчжурии. Блюхер первым удостоился только что учрежденного ордена Красной Звезды.

По всей стране проходили митинги и демонстрации, проводились встречи с героями войны против «бело-китайских милитаристов», вспоминал генерал-майор Петр Григорьевич Григоренко. Подростки распевали частушку на злобу дня:

Ой, чина-чина-чина —
упала кирпичина,
убила Чжан Цзолия,
заплакал Чан Кайши.

Китайский генерал Чжан Цзолия, правивший Маньчжурией, был в 1928 году убит японцами. Впрочем, некоторые историки ныне утверждают, что его уничтожила советская разведка...

Но поднять революцию в Маньчжурии Красной армии не удалось. Пришлось восстанавливать отношения с китайским правительством. Чан Кайши тоже не мог позволить себе полный разрыв с Советским Союзом, где находился его сын Цзинго.

Еще в 1925 году советские представители уговорили Чана отправить сына в Москву. Назад не отпускали. Сын президента Китая превратился в заложника. А Чан Кайши дорожил наследником. 14 декабря 1931 года записал в дневнике: «Я совершил страшное преступление: подверг риску жизнь наследника». На запросы президента Москва неизменно отвечала, что его сын вполне счастлив и отказывается возвращаться в Китай.

Принято считать, что компартия Китая всегда держалась особняком, а Сталин не доверял Мао, который хотел быть самостоятельным. В реальности в руководстве компартии существовали три группировки: старые коминтерновские кадры, выпускники московских учебных заведений и местные партизанские командиры. Сталин не давал какой-то одной группе взять верх. Командующий китайской Красной армией Чжу Дэ и секретарь ЦК партии Чжоу Эньлай, будущий глава правительства, хотели избавиться от соперника – отправить Мао на лечение в Москву. Им не позволили.

Компартия Китая 7 ноября 1931 года провозгласила создание советской республики. Мао Цзэдун возглавил это непризнанное государство и стал называться на советский манер – председателем Центрального исполнительного комитета. Вот тогда подчиненные и стали именовать его «председатель Мао».

На седьмом конгрессе Коминтерна летом 1935 года Мао назвали знаменосцем мирового коммунистического движения – вместе с болгаринцем Георгием Димитровым, который прославился после неудачной попытки нацистов обвинить его в поджоге рейхстага.

Главным противником Мао был руководитель китайской делегации в Коминтерне Ван Мин, безжалостный и амбициозный человек. Он себя видел руководителем партии. В его аппарате составили справку о Мао – для руководителей Коминтерна: «Социальное происхождение – мелкий помещик... Сильный работник, агитатор и массовик, умеет внедряться в гущу массы. Имеет богатейший опыт крестьянского движения и партизанской войны...

Есть недостатки. Недостаточна теоретическая подготовка, поэтому легко может совершить отдельные политические ошибки».

Ван Мин обвинял Мао в троцкизме и переправлял свои критические послания в Москву через советских военных разведчиков. Но его обвинения не погубили Мао. Летом 1938 года Москва согласилась на избрание Мао генеральным секретарем ЦК компартии.

«С конца двадцатых годов, – считает профессор Александр Панцов, автор биографии Мао Цзэдуна, – именно Москва активно способствовала выдвижению Мао. Сталинский Коминтерн поддерживал его и вставал на его защиту, когда кто-либо из руководящих деятелей компартии Китая выступал против него. Москве и прежде всего Сталину Мао обязан своим возвышением».

С начала 1930-х китайская политика Сталина стала определяться противостоянием с Японией, территориальные аппетиты которой росли с каждым днем. Корея уже была японской колонией, и с ее территории императорская армия пыталась захватить Китай. Чан Кайши попросил военной помощи у Советского Союза. Он предложил забыть прежние распри и объединиться против общего врага.

Прежде Сталин не спешил ему на выручку.

Когда Япония в 1931 году оккупировала Северо-Восточный Китай, Сталин держался край не осторожно. 23 сентября 1931 года он, находясь в отпуске, писал своим ближайшим соратникам Лазарю Моисеевичу Кагановичу и Вячеславу Михайловичу Молотову:

«Наше военное вмешательство, конечно, исключено, дипломатическое же вмешательство сейчас нецелесообразно, так как оно может лишь объединить империалистов, тогда как нам выгодно, чтобы они рассорились...»

В печати надо вести себя так, чтобы не было никаких сомнений в том, что мы всей душой против интервенции. Пусть "Правда" ругает всю японских оккупантов, Лигу Наций как орудие войны, а не мира, пакт Келлога как орудие оправдания оккупации, Америку как сторонницу дележа Китая. Пусть кричит "Правда" всю, что империалистические пацифисты Европы, Америки и Азии делят и порабащают Китай. "Известия" должны вести ту же линию, но в умеренном и архиосторожном тоне...»

Разница между двумя газетами состояла в том, что «Правда» была органом ЦК партии, а «Известия» – Центрального исполнительного комитета СССР, то есть формально представляла государственную точку зрения.

Сталину, конечно, не нравилось, что японцы оккупировали Маньчжурию и оказались у советских границ. Но помогать китайцам он не спешил – не был уверен, что готов к военному противостоянию с Японией.

Весной 1932 года Советский Союз признал Маньчжоу-го де-факто и разрешил марионеточному государству открыть консульства в Чите и Благовещенске. Маньчжоу-го, то есть японцам, продали и Китайско-Восточную железную дорогу, которую японцы использовали для переброски своих войск. Китайцы обиделись, считая такой шаг недружественным. Но китайским политикам в Москве не доверяли. Нарком Ворошилов откровенно выразил эти настроения в письме своему заместителю Яну Борисовичу Гамарнику: «Япошки – и мерзавцы, и наглые ловкачи. Китаезы – идиоты и болваны».

Но избежать противостояния с Японией было невозможно, и Китай становился естественным союзником. Теперь Сталина больше интересовала не революция в Китае, а его готовность воевать с японцами. Он был готов поддержать любого китайского политика, намеренного сражаться против императорской армии.

Начальника политуправления и заместителя наркома Яна Гамарника командировали на Дальний Восток посмотреть, что понадобится армии Блюхера, если начнутся боевые действия. Ворошилов 13 января 1932 года писал Гамарнику: «По имеющимся дополнительным сведениям японцы действительно ведут напряженную работу по подготовке войны и как

будто бы к весне текущего года. Есть сведения, что зашевелились всерьез белогвардейцы, которые хвастаются возможностью выброски на территории СССР до ста тридцати тысяч войск. Проектируется создание "русского" дальневосточного правительства...»

В Харбине и других районах Китая после Гражданской нашли убежище немало русских людей. Это были и просто беженцы, и бывшие солдаты и офицеры Белой армии, и даже небольшая группа молодых русских фашистов.

Особую Краснознаменную Дальневосточную армию Блюхера, которая действовала на огромной территории, преобразовали в Дальневосточный фронт в составе двух армейских направлений – Приморского и Забайкальского. Так было проще управлять войсками.

2 июня 1932 года Каганович докладывал Сталину, который отдыхал на юге:

«Телеграммы, идущие из Японии, показывают усиление как будто мирных настроений, но в то же время есть телеграммы о том, что японские аэропланы кружатся уж очень близко возле нашей границы, и как будто (еще не проверено) были даже факты перелета, хотя и незначительного, нашей границы на Амуре.

Блюхер прислал телеграмму Ворошилову, в которой предлагает обстрелять японские аэропланы, как только они перелетят через границу, то есть через середину реки Амур. Ворошилов ответил ему, что можно лишь в том случае обстрелять, если они действительно перелетят через границу или будут летать в районе нашей флотилии.

Мы собрали Дальневосточную комиссию и решили категорически запретить стрелять и точно информировать о всех случаях Москву. Приняли мы это потому, что нельзя дать возможность командиру роты или взвода определять, когда обстрелять, когда нет. Мы не гарантированы, что какая-либо группка японских фашистов-военных может нас пробовать провоцировать на войну, и решение таких вопросов должно быть в руках центра. Думаю, что мы решили правильно.

Не обошлось, к сожалению, без инцидента с Ворошиловым: дело в том, что он не счел нужным этот вопрос не только поставить на обсуждение, но даже оповестить нас или прислать копию телеграммы. Несмотря на то, что мы не обостряли этой стороны вопроса, а обсуждали по существу, Ворошилов заявил: "Не стану бегать к вам по мелочам, вы тут решаете сами много вопросов, а я не могу телеграмму послать".

Хороша мелочь! Обстреливать ли японские аэропланы или нет! Ну, конечно, поругались. Я думаю, мы поступили правильно, собрав комиссию и приняв такое решение, именно такой постановке вопроса мы учимся у Вас каждодневно».

Сталин не был уверен в способности Красной армии одержать победу на Дальнем Востоке и не спешил затевать с японцами войну, поэтому не поощрял никаких действий, которые могли бы ускорить столкновение.

Связываться с японцами тогда никто не хотел. СССР и США все еще не установили дипломатические отношения, разорванные после революции. И государственный департамент не спешил вступать в переговоры с Москвой, потому что американцы боялись японцев, которые уже захватили Китай и намеревались продолжать расширять свою империю. Американские дипломаты опасались, что сближение с Советской Россией еще больше «разозлит бешеную собаку, сорвавшуюся с цепи на Дальнем Востоке», – так говорили тогда о Японии.

Столкнуть своих противников лбами надеялись и в Москве. Беседа с работниками аппарата Президиума ВЦИК, член политбюро и формально президент страны Михаил Иванович Калинин откровенно говорил: «Мы не против империалистической войны, если бы она могла ограничиться, например, только войной между Японией и Америкой или между Англией и Францией».

Но получилось иначе...

7 июля 1932 года советник японского посольства в Москве передал в Наркомат иностранных дел ноту, в которой говорилось, что арестованный японскими властями кореец

Ли признался: он и еще трое корейцев были завербованы владивостокскими чекистами, их снабдили взрывчаткой и отправили в Японию с заданием взорвать ряд мостов.

Руководитель полномочного представительства ОГПУ по Дальневосточному краю Терентий Дмитриевич Дерибас самокритично доложил в Москву, что организованная им операция не удалась («шуму наделали, а мост не взорвали»), агентов-взрывников поймали, и они во всем признались.

Сталин, возмущенный скандальным провалом чекистов, писал Кагановичу:

«Нельзя оставлять без внимания преступный факт нарушения директивы ЦК о недопустимости подрывной работы ОГПУ и Разведуправ Маньчжурии.

Арест каких-то корейцев-подрывников и касательство к этому делу наших органов создает (может создать) новую опасность провокации конфликта с Японией. Кому все это нужно, если не врагам советской власти?

Обязательно запросите руководителей Дальвоста, выясните дело и накажите примерно нарушителей интересов СССР. Нельзя дальше терпеть это безобразие!

Поговорите с Молотовым и примите драконовские меры против преступников из ОГПУ и Разведупра (вполне возможно, что эти господа являются агентами наших врагов в нашей среде). Покажите, что есть еще в Москве власть, умеющая примерно карать преступников».

Разумеется, на официальном уровне отрицалась любая причастность советских органов госбезопасности к террористическим акциям. 26 июля 1932 года заместитель наркома иностранных дел Лев Карахан пригласил к себе японского посла в Москве и сделал ему заявление от имени советского правительства:

«Все сообщение корейца Лис начала до конца является злостным и провокационным вымыслом... Ни Владивостокское ГПУ, ни какое-либо другое советское учреждение во Владивостоке не могло давать и не давало тех поручений, о которых показывает Ли-Хак-Ун, ни каких-либо других аналогичного характера ни корейцу Ли, ни каким-либо другим лицам...

Советское правительство надеется, что японские власти отнесутся должным образом как к автору провокационного заявления, так и примут все необходимые и энергичные меры к выяснению вдохновителей и организаторов этого преступного дела, имеющего несомненной целью ухудшение отношений между СССР и Японией».

Тем временем в Москве после короткого расследования обнаружили виновных. 16 июля политбюро приняло решение:

«а) Обратить внимание ОГПУ на то, что дело было организовано очень плохо; подобранные люди не были должным образом проверены.

б) Указать т. Дерибасу, что он лично не уделил должного внимания этому важнейшему делу, в особенности подбору и проверке людей.

в) Объявить строгий выговор т. Загвоздину как непосредственно отвечающему за плохую организацию дела.

Предрешить отзыв тов. Загвоздина из Владивостока.

г) Поручить ОГПУ укрепить кадрами военно-оперативный сектор».

Для Терентия Дерибаса тогда все закончилось благополучно. В конце года он получил второй орден Красного Знамени. Комиссар госбезопасности 1-го ранга Дерибас работал на Дальнем Востоке до ареста в августе 1937 года. Расстреляли его через год, в июле 1938 года.

Николай Андреевич Загвоздин, который так подвел Дерибаса, служил в госбезопасности с 1920 года. В апреле 1931 года его перевели из Нижегородской губернии на Дальний Восток начальником Владивостокского оперативного сектора. После провала организованной им диверсионной операции Загвоздина перебросили в Среднюю Азию начальником особого отдела полномочного представительства ОГПУ и Среднеазиатского военного округа. Он несколько лет руководил военной контрразведкой округа. В декабре 1934 года стал по

совместительству заместителем наркома внутренних дел Узбекистана, а через две недели – наркомом. Николая Загвоздина избрали депутатом Верховного Совета СССР, дали спецзвание майора госбезопасности. Из Узбекистана в сентябре 1937 года перевели наркомом в Таджикистан. Загвоздин счастливо проскочил период массового уничтожения чекистских кадров и все-таки был арестован в феврале 1939 года, когда Берия убирал остатки старых кадров. 19 января 1940 года недавнего наркома приговорили к высшей мере наказания и в тот же день расстреляли...

12 декабря 1932 года дипломатические отношения с Китаем (гоминьданом) восстановились. Военным и пограничникам на Дальнем Востоке строго-настрого запретили ввязываться в боевые столкновения с японцами и поддерживать китайцев.

8 марта 1933 года политбюро постановило:

«Дать следующий приказ за подписями тт. Ворошилова и Ягоды тт. Блюхеру и Дерибасу. В связи с непрекращающимся переходом китайских отрядов на нашу территорию приказываем:

1) Впредь интернировать только высший и старший начсостав с соблюдением ранее установленного порядка.

2) Остальной состав после разоружения не заключать в концлагерь, не кормить их, предложив им встать на работу, а в случае отказа от работы – гнать их в шею подальше от границ. В случае их желаний вернуться в Китай не препятствовать их выезду своими средствами.

3) ГПУ взять под особое наблюдение всех китайцев, перешедших на нашу территорию».

Но военные действия удалось лишь ненадолго отсрочить. Избежать конфликта при амбициях обеих сторон было невозможно. Через несколько лет начались спорадические столкновения между красноармейцами и подразделениями японской Квантунской армии, расквартированной в Маньчжурии, – в районе Гродеково в 1935 году, у острова Сычевский на Амуре и в районе селения Пакшекори в 1937 году.

Китай превратился в поле боя между Советским Союзом и Японией. Японцы полагали, что они вправе управлять всем Дальним Востоком и Юго-Восточной Азией. У Сталина были свои виды на обширные территории Китая.

Очевидная слабость центрального правительства располагала соседей к территориальным приобретениям. Сталин старался помешать тому, чтобы Китай перешел под управление японцев. Но он не хотел и укрепления китайского правительства. Он одновременно играл на нескольких досках. Китайцам это было очевидно, но они японцев боялись больше, чем русских, и потому рассчитывали на советскую военную помощь.

В Москве старались руководить действиями вооруженных формирований китайских коммунистов. 8 сентября 1936 года Каганович и Молотов отправили Сталину шифротелеграмму:

«Командование Китайской красной армии сообщило два варианта дальнейших действий...

Считаем возможным:

1) Согласиться с первым вариантом плана действий Китайской красной армии, а именно: занятие района Нинся и западной части провинции Ганьсу. Причем категорически указать на недопустимость дальнейшего продвижения Китайской красной армии по направлению к Синьцзяну, что может оторвать Китайскую красную армию от основных китайских районов.

2) Предрешить, что после занятия Китайской красной армией района Нинся будет оказана помощь оружием в размере 15–20 тысяч винтовок, 8 пушек, 10 минометов и соответствующего количества боеприпасов иностранного образца.

Оружие сосредоточить к декабрю 1936 года на южной границе МНР и продать через известную Урицкому (руководитель военной разведки. – Л. М.) иностранную фирму, подготовив транспорт для переброски его в Нинся».

Вождь согласился.

Китайских коммунистов просили не приближаться к провинции Синьцзян, потому что Сталин одновременно помогал живущим там уйгурам, казахам, киргизам и другим народам обрести самостоятельность в надежде, что они вообще отделятся от Китая и, может быть, присоединятся к Советскому Союзу. В конце 1944 года, когда значительная часть Китая была оккупирована японцами, в Синьцзяне образовалась Восточно-Туркестанская республика. Ее провозгласило восставшее против центрального правительства Китая – не без помощи советской агентуры – местное мусульманское население. Правительство республики возглавил Алихан-тюре Закирходжаев, узбек по происхождению. Он сразу же обратился за помощью в советское консульство и получил ее.

Восточно-Туркестанской республикой занимались и наркомат внутренних дел, и наркомат госбезопасности. Лаврентий Павлович Берия докладывал Сталину: «В случае удачи в Синьцзяне возникнет независимое от Китая дружественное СССР мусульманское социалистическое государство».

Уйгурам отправили советских военных инструкторов и оружие, хотя еще шла война и все ресурсы требовались на германском фронте. Однако независимый Синьцзян даже при советской поддержке просуществовал недолго. После капитуляции Японии в августе 1945 года китайское правительство бросило против мятежников большие силы.

Берия обратился к Сталину: «НКВД просит указаний о целесообразности дальнейшей поддержки повстанческого движения мусульман в Синьцзяне». Но стало ясно, что дело обреченное. Воевать против Чан Кайши в тот момент Сталин не мог – китайцы, как и англичане с американцами, были союзниками в войне против Германии и Японии. Советских инструкторов вывели на территорию СССР, оружие у уйгуров забрали. 12 октября 1945 года правительство Восточно-Туркестанской республики вступило в переговоры с центральным правительством Китая. 2 января 1946 года подписали мирное соглашение. Непризнанная республика перестала существовать.

Китайцы эту историю с попыткой отделить Синьцзян тоже не забыли. Но мы забежали вперед...

В ночь на 12 декабря 1936 года «Молодой маршал» Чжан Сюэлян и генерал Ян Хучэн, связанные с коммунистами, арестовали Чан Кайши и потребовали от него создать единый фронт гоминьдана и КПК и решительно действовать против Японии (см. «Проблемы Дальнего Востока», 2009, № 1). Сталин велел по каналам Коминтерна добиваться «мирного решения конфликта» и тем самым спас жизнь Чан Кайши. Этот инцидент убедил Чан Кайши в искренности СССР. И он пошел на примирение с коммунистами. В качестве ответного жеста отпустили его сына Цзян Цзинго.

13 июня 1937 года советский полпред Дмитрий Васильевич Богомолов писал в НКВД: «Японцы в ближайшее время не рискнут ни на какую новую большую авантюру к югу от Великой Стены... К большой войне в Китае японцы не готовы».

Полпред ошибся. 7 июля война началась.

Японские войска развернули наступление, намереваясь полностью оккупировать Китай. Чан Кайши сразу попросил военной помощи у Советского Союза. Предложил забыть прежние распри и объединиться против общего врага. На сей раз Сталин откликнулся немедленно.

Еще до заключения договора, 29 июля 1937 года, на политбюро приняли решение отправить в Китай двести самолетов и двести танков, а также обучать в СССР китайских летчиков и танкистов. Чан Кайши предлагал подписать договор о взаимной помощи. Ста-

лин не хотел напрямую втягиваться в войну, поэтому 21 августа 1937 года полпред Дмитрий Богомолов и министр иностранных дел Ван Чжунгуй в Нанкине подписали более скромный договор о ненападении (см. «Новая и новейшая история», 1999, № 6).

Полпред от имени правительства огласил секретную декларацию: «Советский Союз не заключит какого-либо договора о ненападении с Японией до того времени, пока нормальные отношения Китайской Республики и Японии не будут формально восстановлены». (Заметим, что это обещание не помешало Сталину 13 апреля 1941 года подписать договор о нейтралитете с Японией...) Китайский министр в ответ обещал, что Китай «не заключит какого-либо договора с третьей державой о так называемых совместных действиях против коммунизма, который практически направлен против СССР».

Сталин предложил ввести договор в действие немедленно, без ратификации. Почему-то он остался недоволен Богомоловым. В сентябре полпреда отозвали. 18 ноября 1937 года приехавшему в Москву китайскому генералу Ян Цзе Сталин сказал: «Я хочу, чтобы Чан Кайши понял, мы имели от Богомолова неправильную информацию... Мы вызвали Богомолова и спрашиваем, кто ты такой? Оказывается, он троцкист. Плохих информаторов, и послов в том числе, мы арестовываем».

В наркомате приготовили записку для Молотова: «Бывший посол в Китае предатель Богомолов как накануне, так и после начала войны всячески старался дезинформировать правительство СССР... Однако несмотря на вредительство Богомолова, наше правительство правильно оценило события 7 июля и сделало дальнейший шаг в направлении улучшения отношений СССР и Китая».

Дмитрия Богомолова расстреляли в мае 1938 года. Оставшимся в советском полпредстве временным поверенным в делах Сталин тоже был недоволен. Бросил в раздражении: «Река Янцзы у вас глубокая? Может, утопить его в ней?»

В Китай вновь стали прибывать советские военные специалисты. Некоторые из них уже приезжали в Китай в 1920-е годы.

Гражданская война между компартией и гоминьданом приостановилась. 22 сентября 1937 года появилось обращение ЦК КПК к народу с призывом создать единый национальный фронт для сопротивления агрессии. Чан Кайши, в свою очередь, прекратил преследовать коммунистов. 23 сентября он согласился на легализацию партии и Красной армии. Мао Цзэдун получил из Москвы указание признать центральное правительство и передать под командование Чан Кайши Красную армию для совместной борьбы против Японии. В сентябре 1937 года коммунистическая партия Китая и центральное правительство подписали соглашение о совместных действиях против оккупантов. Но даже сообща они с трудом противостояли наступавшей японской армии.

Чан Кайши рассчитывал, что его спасение – в огромных просторах Китая: японцам не по силам оккупировать всю страну. Но 7 июля 1937 года Япония начала полномасштабную войну против Китая. Вскоре японцы взяли Пекин. В августе под Шанхаем разбили семьдесят три из ста восьмидесяти китайских дивизий.

26 ноября 1937 года Чан Кайши отправил Сталину телеграмму с просьбой перебросить в Китай Красную армию для совместной борьбы против японцев. Отправлять войска и вступать в прямое военное столкновение с японцами Сталин не хотел. Но ему важно было не допустить капитуляции Китая, заставить Чан Кайши продолжить сопротивление, чтобы у японцев руки были связаны.

Бои на Хасане

После катастрофы в Нанкине Чан Кайши запросил дополнительной помощи.

17 января 1938 года в Москву прибыл председатель законодательного юаня (парламента) Сунь Фо, доверенное лицо Чан Кайши. Полтора месяца с истинно восточной невозмутимостью и спокойствием он ожидал приема у Сталина и все-таки добился своего. Он потом рассказывал послу в Великобритании Ивану Михайловичу Майскому, как это произошло:

«Мне сообщили, что я увижу вашего лидера в определенный день, но не назвали точного времени. Я приготовился. Сижу в посольстве и жду. Наступает вечер – восемь часов, девять часов, десять часов, одиннадцать часов... Ничего!.. Несколько разочаранный я решил лечь спать. Разделся, залез в постель. Вдруг без четверти двенадцать за мной приезжают:

– Пожалуйста, вас ждут!

Я вскочил, оделся и поехал. Вместе со Сталиным были Молотов и Ворошилов. Под конец пришли еще Микоян и Ежов. Беседа наша продолжалась с двенадцати ночи до половины шестого утра. И тут все было решено».

Сталин сказал, что вступление Советского Союза в войну с Японией невозможно, но он поможет Китаю оружием. 1 марта 1938 года было подписано соглашение о выделении кредита на покупку советского оружия на пятьдесят миллионов долларов.

10 мая Сталин и Ворошилов подписали телеграмму, адресованную Чан Кайши:

«Мы вполне понимаем тяжелое валютно-финансовое положение Китая и учитываем его. Поэтому мы и не требуем от Китая в виде уплаты за вооружение ни золота, ни иностранной валюты. Но мы бы хотели получить от Китая такие товары, как чай, шерсть, кожу, олово, вольфрам и т. д.

Мы знаем наверняка, что товары такого рода Китай мог бы поставить Советскому Союзу без ущерба для народного хозяйства и обороны Китая».

Сталин выделил Китаю кредиты на льготных условиях, оружие и боевую технику. За два года, с октября 1937 года по сентябрь 1939 года, Советский Союз поставил Китаю около тысячи самолетов, восемьдесят танков, тысячу триста орудий, свыше четырнадцати тысяч пулеметов, пятьдесят тысяч винтовок, боеприпасы и снаряжение в больших количествах. Это даже больше, чем получила республиканская Испания. Военные грузы везли автотранспортом по дороге, которую специально для этого проложили через Синьцзян. Там же, в Синьцзяне, советские техники собирали истребители и другую боевую технику для китайской армии.

Специально для Красной (8-й) армии в округе Урумчи основали военную школу – артиллерийское, авиационное, бронетанковое отделения, отделение подготовки водителей и радистов (см. «Проблемы Дальнего Востока», 2008, № 1). Генеральный секретарь исполкома Коминтерна Георгий Димитров предлагал поставить 8-й армии оружие и технику, включая танки, если компартия берет все это самостоятельно доставить от границы Монголии до своей территории. Но не удалось.

К середине 1939 года в Китае находилось 3665 советских военных советников (это не считая летчиков). Среди них был человек, чье имя со временем станет очень известным. В сентябре 1938 года полковник Андрей Андреевич Власов получил под командование 72-ю стрелковую дивизию в Киевском округе, но сразу же был отправлен в особую командировку, которую командиры Красной армии не имели права упоминать даже в служебных документах.

Генерал Власов впоследствии в автобиографии и анкетах неизменно писал: за границей не был. Это неправда. В те годы у советских военных было два заграничных маршрута – на запад, в Испанию, или на восток, в Китай. Власова отправили на восток. Он прибыл в Китай в начале сентября 1938 года и был назначен старшим советником к командующему 2-м военным районом маршалу Янь Сишаню. Маршал принимал Власова с восточной пышностью, устраивал ему увеселительные поездки. В каждом населенном пункте его встречали толпы с плакатами на двух языках «Да здравствует полководец Власов!» Поездки сопровождались банкетами и выступлениями артистов...

Не для всех командировка в Китай оказалась столь приятно экзотической. На стороне китайцев воевали две тысячи советских летчиков. 18 февраля 1938 года первая группа пилотов вступила в бой в китайском небе. В воздушной схватке над Уханем они сбили двенадцать японских самолетов. Советские летчики защищали от налетов крупные китайские города. Двести одиннадцать человек погибли в бою или умерли от ран. Могилы советских добровольцев находятся в Ухане, Чунцине и Нанкине.

Столкновение интересов Японии и Советского Союза в Китае неминуемо вело к военным действиям. Рано или поздно две страны должны были померяться силами на поле брани. В Москве и в Токио не сомневались, что война будет. Вопрос был в другом: когда и на какой территории?

Не желая напрямую вступать в войну, Сталин был не прочь продемонстрировать захватившим Китай японцам мощь Красной армии, чтобы отбить у них желание двигаться дальше на север. Этот урок должен был преподать Василий Блюхер, который стал любимчиком Сталина. Его Особая армия действовала на правах округа. Никто из командующих округами не получил в 1935 году звание маршала, только Блюхер. Остальные военачальники ему сильно завидовали.

Бои на Хасане начались 29 июля 1938 года. В советской печати писали о сокрушительном поражении японских войск. В реальности итоги были неутешительными. Прежде всего для самого маршала Блюхера, который еще недавно с высокой трибуны в Москве клялся: «Если грянут боевые события на Дальнем Востоке, то Особая Дальневосточная Красная армия, от красноармейца до командарма, как беззаветно преданные солдаты революции, под непосредственным руководством любимого вождя Рабоче-Крестьянской Красной армии и флота – товарища Ворошилова, Центрального Комитета партии, великого вождя нашей партии товарища Сталина, ответит таким ударом, от которого затрещат, а кое-где и рухнут устои капитализма!»

И ему верили и горячо аплодировали. А получилось иначе.

В приказе наркома Ворошилова № 0040 от 4 сентября 1938 года говорилось:

«31 августа 1938 г. под моим председательством состоялось заседание Главного военного совета РККА в составе членов Военного совета: тт. Сталина, Щаденко, Буденного, Шапошникова, Кулика, Локтионова, Блюхера и Павлова с участием Председателя СНК т. Молотова и зам. Народного комиссара внутренних дел т. Фриновского.

Главный военный совет рассмотрел вопрос о событиях в районе озера Хасан и, заслушав объяснения комфронтат. Блюхера и члена Военного совета Дальневосточного фронта т. Мазепова, пришел к следующим выводам:

Боевые операции у озера Хасан явились всесторонней проверкой мобилизационной и боевой готовности не только тех частей, которые непосредственно принимали в них участие, но и всех без исключения войск Дальневосточного фронта.

События этих немногих дней обнаружили огромные недочеты в состоянии Дальневосточного фронта. Боевая подготовка войск, штабов и командно-начальствующего состава фронта оказались на недопустимо низком уровне. Войсковые части были раздерганы и небоеспособны; снабжение войсковых частей не организовано...

В результате такого недопустимого состояния войск фронта мы в этом сравнительно небольшом столкновении понесли значительные потери – 408 человек убитыми и 807 человек ранеными. Эти потери не могут быть оправданы ни чрезвычайной трудностью местности, на которой пришлось оперировать нашим войскам, ни втрое большими потерями японцев...»

Василия Блюхера обвинили в том, что он скрывал истинное положение в подчиненных ему войсках, «систематически, из года в год, прикрывал свою заведомо плохую работу и бездеятельность донесениями об успехах» и оставил незамещенными сотни должностей командиров частей и соединений.

Приказ Ворошилова ставил точку в военной карьере Блюхера: «Все его поведение за время, предшествующее боевым действиям и во время самих боев, явилось сочетанием двуличия, недисциплинированности и саботирования вооруженного отпора японским войскам, захватившим часть нашей территории...»

А произошло вот что.

В июле 1938 года отделение пограничников Посьетского пограничного отряда заняло высоту Заозерная. Бойцы стали рыть окопы и натягивать колючую проволоку. Но высота находилась на территории Маньчжурии, ее китайское название – Чангкуфенг. Иначе говоря, пограничники нарушили государственную границу.

12 июля японцы это обнаружили и заявили протест, оставшийся без ответа.

15 июля к высоте подошел отряд японских жандармов. Советские пограничники уходить отказались. Бойцы взялись за оружие. Начальник инженерной службы Посьетского пограничного отряда лейтенант Василий Михайлович Виневитин застрелил из винтовки одного из японских жандармов. После окончания боев Виневитин получил звание Героя Советского Союза.

Блюхер отправил комиссию – выяснить, что произошло. Она установила, что окопы, отрытые советскими пограничниками, находятся на маньчжурской территории (см. книгу известного военного историка генерала Н. Павленко «Была война...»).

Опытный Блюхер допустил непростительную ошибку, когда стал проверять законность действий пограничников у озера Хасан: пограничники входили в состав наркомата внутренних дел. Чекисты восприняли действия Блюхера как личную обиду.

В приказе Ворошилова говорилось:

«Т. Блюхер не принял действенных мер для поддержки пограничников полевыми войсками. Вместо этого он совершенно неожиданно... подверг сомнению законность действий наших пограничников у озера Хасан.

В тайне от члена Военного совета т. Мазепова, своего начальника штаба т. Штерна, зам. Наркома обороны т. Мехлиса, зам. Наркома внутренних дел т. Фриновского, находившихся в то время в Хабаровске, т. Блюхер послал комиссию на высоту Заозерная и без участия начальника погранучастка произвел расследование действий наших пограничников.

Созданная таким подозрительным порядком комиссия обнаружила "нарушение" нашими пограничниками маньчжурской границы на три метра и, следовательно, "установила" нашу "виновность" в возникновении конфликта у озера Хасан.

Ввиду этого т. Блюхер шлет телеграмму Наркому обороны об этом мнимом нарушении нами маньчжурской границы и требует немедленного ареста начальника погранучастка и других "виновников в провоцировании конфликта" с японцами».

Иначе говоря, Блюхер установил, что в конфликте виноваты советские пограничники. Этого маршалу в НКВД не простили. Тем более что именно в тот момент на Дальний Восток прибыл руководивший пограничниками первый заместитель наркома внутренних дел комкор Михаил Петрович Фриновский. Он с большой бригадой чекистов проверял кадры Особой армии, Тихоокеанского флота и Амурской флотилии. Фриновский не захотел принимать

на себя вину за конфликт на высоте Заозерная и, напротив, обвинил Блюхера в преступном бездействии.

В Москве хотели воспользоваться ситуацией и начать боевые действия против японцев. А Блюхер не понял сталинской воли и настаивал на том, что пограничники неправы.

29 июля японцы атаковали высоту Безымянная, которая находилась рядом с Заозерной. А 31 июля захватили уже обе высоты. 1 августа Сталин по прямому проводу связался с маршалом Блюхером: «Скажите, товарищ Блюхер, честно. Есть ли у вас желание по-настоящему воевать с японцами? Если нет такого желания, скажите прямо, как подобает коммунисту. А если есть желание, я бы считал, что вам следовало бы выехать на место немедленно...»

2 августа началась контратака советских войск. В боевые действия на озере Хасан был введен целый корпус – три стрелковые дивизии и механизированная бригада. Но войска были плохо обучены и несли большие потери, чем японцы.

Это было время массовых репрессий в Красной армии. Маршал Иван Степанович Конев рассказывал писателю Константину Михайловичу Симонову, что к началу боев на озере Хасан в одной бригаде были арестованы и ее командир, и командиры всех батальонов. Командовал бригадой начальник штаба. Пришли и за ним. «Он просил, умолял не сажать его прежде, чем он сводит бригаду в бой, – рассказывал Конев. – Но его, конечно, посадили, и не он повел бригаду в бой, а бригаду повел какой-то командир роты и засадил ее в болото...»

Захватить высоты Заозерная и Безымянная Красной армии удалось уже после того, как было подписано соглашение о перемирии и японцы отступили. Сталин был раздражен и разочарован, Красная армия оказалась значительно слабее, чем он надеялся. Всю вину он возложил на Блюхера, которого арестовали и забили в тюрьме... Историки говорят о том, что провал Особой армии в столкновении с японцами был прямым следствием репрессий: сказались нехватка командного состава, атмосфера подозрительности, неверие красноармейцев в оставшихся командиров, отсутствие нормальной боевой учебы.

Победа на Халхин-Голе

Новые бои с японской Квантунской армией, на сей раз на территории Монголии, проходили уже без маршала Блюхера. Причиной боев на Халхине-Голе стал все тот же конфликт интересов Советского Союза и Японии. В Токио рассматривали поставки советского оружия Китаю и появление там военных советников как враждебные действия и хотели заставить Сталина прекратить помогать Китаю.

На японских картах Монгольская Народная Республика значилась как Внешняя Монголия. Внутренняя Монголия входила в состав Китая. Но раз японцы надеялись оккупировать весь Китай, то почему бы не попробовать присоединить и Внешнюю Монголию?

Монгольскую Народную Республику признавал тогда только Советский Союз. Кстати, еще в советско-китайском соглашении 1924 года говорилось: «Внешняя Монголия – часть Китая, и Советский Союз признает китайский суверенитет над этой территорией». Но эту часть соглашения Москва не соблюдала.

Китайское правительство согласилось признать Монголию 5 января 1946 года – только после того, как советские войска в августе 1945 года вступили в войну с Японией и вошли на китайскую территорию, а сами монголы 20 октября 1945-го на плебисците единодушно проголосовали за самостоятельное государство. Впрочем, не только Чан Кайши, но и Мао Цзэдун, придя к власти в 1949 году, считал, что самостоятельная Монголия не имеет права на существование.

Сохранение Монголии под советским контролем не было простым делом. Еще весной 1932 года в Монголии вспыхнуло восстание. Монголы взбунтовались против социалистической власти. В Москве члены Политбюро пришли к выводу, что монгольское руководство само виновато, потому что «слепо копировало политику Советской власти в СССР». Монгольским властям рекомендовали временно отказаться от коллективизации, не ликвидировать частную торговлю, проводить политику, которая соответствует «буржуазно-демократической республике».

Политбюро предложило отправить в Монголию советские войска. Сталин, находившийся в Сочи, возразил:

«Нельзя смешивать Монголию с Казахстаном или Бурятией. Главное – надо заставить монгольское правительство изменить политический курс в корне. Надо оттеснить (временно) "леваков" и выдвинуть вместо них на места министров и руководителей ЦК Монголии людей, способных проводить новый курс, то есть нашу политику...»

Конечно, если положение в Урге безнадежно (в чем я сомневаюсь, так как сообщение полпреда Охтина считаю необъективным), – можно пойти на ввод бурят-монгольских частей, но на эту штуку, как временную меру, можно пойти лишь в самом крайнем случае, имея при этом в виду, что ввод войск есть второстепенная и дополнительная мера к главной мере – к изменению политического курса».

Позже Сталин писал Ворошилову: «Если поворот политики в Монголии пройдет более или менее сносно, Монголия сохранит независимость, если же нет, никакие "военные действия" не спасут ее от съедения со стороны японо-маньчжур...»

Восстание удалось подавить. Монголия осталась под советским контролем.

А непосредственным поводом для боев на Халхин-Голе стало отсутствие точной границы между Монголией и Маньчжурией (см. «Новая и новейшая история», 2001, № 2). Там находилась пограничная зона шириной до сотни километров без каких-либо опознавательных знаков, по которой в обе стороны свободно кочевали местные племена.

Когда японцы создали в Северо-Восточном Китае марионеточное государство Маньчжоу-го, в пограничной зоне начались стычки между японскими и монгольскими пограничниками. Японцы жаловались на монголов советским дипломатам.

Попытались с помощью военных и разведчиков разобраться, на чьей же территории действительно происходят стычки.

Обнаружились две карты: карта, составленная еще военно-топографическим управлением генштаба русской армии в 1906 году, и обновленная карта, изданная Управлением Военной Топографии РККА в 1934 году. Обе оказались не в пользу Монголии. Граница с Маньчжурией была проведена севернее реки Халхин-Гол. В генштабе нашлась еще карта 1933 года, на которой граница была проведена непосредственно по реке Халхин-Гол. Но и она свидетельствовала о том, что спорная территория Монголии не принадлежит.

И только когда уже шли бои, нарком внутренних дел Берия торжествующе сообщил Сталину и Молотову, что чекисты обнаружили в Улан-Баторе карту, датированную 5 июля 1887 года. Карта была хороша тем, что определяла границы «восточнее реки Халхин-Гол», таким образом получалось, что спорная территория на самом деле – территория Монголии. Относительно других, «неправильных» карт Берия обещал разобраться и наказать виновных: «Нами ведется расследование, на основании каких материалов и документов в январе 1934 года Управлением Военной Топографии РККА была издана карта, по которой государственные границы показаны проходящими по реке Халхин-Гол».

Монголия существовала в ситуации полной изоляции и управлялась из Москвы. Японцы предлагали монголам начать переговоры, с тем чтобы договориться о границе. Но Сталин не хотел переговоров, не позволял Монголии устанавливать дипломатические отношения с другими странами и даже запрещал выдавать визы иностранцам, желавшим посетить Улан-Батор.

12 марта 1936 года в Улан-Баторе был подписан советско-монгольский протокол о взаимопомощи сроком на десять лет. На основе этого документа в сентябре 1937 года начался массированный ввод советских войск в Монголию. Сталин хотел преподать японцам урок, зная слабость японской армии, которая не располагала ни современными танками, ни авиацией.

Правда, первые бои на Халхин-Голе в мае 1939 года сложились для Красной армии неудачно. Георгий Константинович Жуков рассказывал, как во время боев на Халхин-Голе 32-я стрелковая дивизия после нескольких залпов японской артиллерии просто бросилась бежать. Жуков и его командиры еле остановили бегущих. Сталин стал искать виновных. Руками маршала Хорлогийна Чойбалсана он сменил все умеренное руководство Монголии, которое не стремилось к военному конфликту с соседями. В Улан-Баторе арестовали три десятка человек – министров, руководителей вооруженных сил и органов безопасности – во главе с первым секретарем ЦК монгольской народно-революционной партии, словом, все руководство страны. Их доставили в Москву и посадили. 5 июля 1941 года дела тридцати монгольских руководителей рассмотрела Военная коллегия Верховного суда СССР (не Монголии!). 27 и 28 июля их расстреляли под Москвой.

Маршал Чойбалсан стал главой правительства.

В Монголию перебросили дополнительные силы Красной армии, и они с большим трудом все-таки одержали победу над отсталой японской армией.

20 августа Жуков начал наступление, к утру 31 августа он доложил, что противостоявшие ему японские части разгромлены. 15 сентября в Москве нарком иностранных дел Молотов и японский посол Сигэнори Того подписали соглашение о прекращении военных действий.

Японские войска не были готовы к боевым действиям. 23-я японская пехотная дивизия, с которой сражалась Красная армия, была сформирована в Маньчжурии из необученных и необстрелянных новобранцев (см. «Япония сегодня», 1999, № 8).

16 сентября 1939 года – после подписания в Москве соглашения о прекращении боевых действий – эта маленькая война закончилась. Бои на Халхин-Голе принесли первую военную славу генералу Георгию Константиновичу Жукову и доставили большое удовольствие вождю. 2 июня 1940 года Сталин впервые принял Жукова. Беседа продолжалась полчаса, присутствовал еще и Молотов. Сталин обласкал полководца, который привез ему победу. Комкор Жуков сразу получил звание генерала армии, минуя звания командарма 1-го и 2-го ранга.

Впрочем, Сталин понимал, что на Халхин-Голе произошло сравнительно небольшое сражение. В апреле 1940 года, выступая перед военными, откровенно сказал: «Мелкие эпизоды в Маньчжурии, у озера Хасан или в Монголии, это чепуха, это не война, это отдельные эпизоды на пяточке, строго ограниченном. Япония боялась развязать войну. Мы тоже этого не хотели, и некоторая проба сил на пяточке показала, что Япония провалилась. У них было две-три дивизии, и у нас две-три дивизии в Монголии. Столько же на Хасане. Настоящей, серьезной войны наша армия еще не вела...»

Но немецким дипломатам в Москве Сталин уверенно говорил, что готов и к полномасштабной войне с Японией. Он с удовольствием констатировал, что в боях на Халхин-Голе японцы потеряли не меньше двадцати тысяч человек. «Это единственный язык, который понимают азиаты, – сказал Сталин. – Я сам – один из них и знаю, что говорю».

Опиумные дела

Весной 1939 года советский полпред в Китае Иван Трофимович Луганец-Орельский с женой Ниной Валентиновной приехал в Москву в отпуск. Как положено, доложил руководству и отправился отдыхать в Цхалтубо – в санаторий НКВД. Хороший отдых высокому гостю взялся обеспечить лично нарком внутренних дел Грузии старший майор госбезопасности Авксентий Нарикиевич Рапава. Почему дипломат отдыхал в санатории НКВД и опекал его нарком внутренних дел – на это были особые причины, ставшие известными значительно позже.

И вдруг газеты сообщили, что в ночь на 8 июля 1939 года в результате автомобильной катастрофы погибли полпред в Китае, его жена, а также водитель товарищ Чуприн. Центральные газеты поместили некролог: «Нелепый случай вырвал из наших рядов активного члена большевистской партии и крупного советского дипломата...»

Некролог подписали заместители наркома иностранных дел Владимир Потемкин, Соломон Лозовский, Владимир Деканозов. Нарком иностранных дел Вячеслав Михайлович Молотов своей подписи не поставил. Но на это мало кто обратил внимание.

Катастрофа произошла в два часа ночи между городом Кутаиси и курортом Цхалтубо на шестом километре шоссе. Комиссия Кутаисского горсовета установила, что причиной аварии стала порча рулевого управления. Акт подписали члены технической комиссии и старший госавтоинспектор: «Авария произошла в результате того, что у продольной рулевой тяги, в месте крепления ее у рулевой сошки, отвернулась незашлифованная пробка. Рулевая тяга сошла с места крепления, и машина потеряла управление».

В этом сообщении почти все было ложью. Машина была исправной – до того, как ее сбросили в пропасть. Водителя, указанного в протоколе ОРУД ГАИ, не существовало в природе. А советский полпред в Китае и его жена погибли задолго до того, как машину сбросили в ущелье. Они оба были сначала арестованы НКВД, а затем убиты.

В архиве внешней политики Министерства иностранных дел в личном деле убитого полпреда сохранилось всего несколько листков. Нет даже фотографии. Назначение в Китай было его единственной дипломатической миссией. Его настоящее имя – Иван Трофимович Бовкун. Он родился в Луганске, поэтому в Гражданскую войну, когда партизанил, взял себе революционный псевдоним – Луганец. В те годы это не возбранялось, почти все советское руководство пользовалось партийными псевдонимами и кличками. Теперь не всякий и вспомнит, скажем, что настоящая фамилия Молотова – Скрябин.

После Гражданской войны Иван Бовкун служил в пограничных войсках, учился в военной академии и был в 1931 году распределен в Объединенное государственное политическое управление – так называлось тогда ведомство госбезопасности.

В 1936 году решением ЦК его отправили в стратегически важную точку – китайский город Урумчи, административный центр Синьцзян-Уйгурского района. Дипломатическое прикрытие – должность вице-консула. В зарубежную командировку он отправился вместе с женой Ниной Валентиновной Угапник. Там у них родилась дочь Валентина, растить которую пришлось бабушке с дедушкой.

Сталин помогал уйгурам обрести независимость в надежде, что они вообще отделятся от Китая и, может быть, присоединятся к Советскому Союзу. Работали с уйгурами сотрудники разведки, поэтому должность вице-консула и занял чекист Бовкун-Луганец-Орельский (для заграничной работы он взял себе новую фамилию – заполняя анкету в наркомате иностранных дел, назвал себя Иваном Тимофеевичем Орельским).

Видимо, его работа в Москве понравилась. И в ноябре 1937 года он получил большое повышение – решением Политбюро его назначили полномочным представителем Совет-

ского Союза в Китайской Республике. Полномочный представитель в Китае Иван Трофимович Бовкун-Луганец, он же Луганец-Орельский, совмещал должность полпреда с обязанностями резидента советской внешней разведки.

В отделе кадров наркомата иностранных дел на него составили справку, в ней содержится пометка: «В личном деле компрометирующих материалов нет». На самом деле уже был арестован его старший брат Евгений, работник губкома партии в Одессе. Иван Трофимович, заступившись за брата, написал письмо Сталину. Нарком внутренних дел Николай Иванович Ежов и первый заместитель наркома комкор Михаил Петрович Фриновский потоварищески обещали ему разобраться. Они ввали товарищу по партии и по чекистской работе. Евгений Бовкун уже был расстрелян.

Когда Ивана Тимофеевича на политбюро утверждали полпредом и резидентом в Китае, он счел своим долгом напомнить об арестованном брате: имеет ли он право занять столь высокую должность? Не следует ли повременить с назначением, пока брата не реабилитируют? Кто-то из членов Политбюро заметил: «Брат за брата не отвечает. Выполняйте задание партии и правительства».

Полпред, он же резидент, отправился на новое место службы. Его жена работала вместе с ним – шифровальщицей в полпредстве. Полпредство находилось в Чунцине, который с 1937 по 1946 год был временной столицей Китая. Советский полпред держал в руках весь клубок политических и военных вопросов. Нет ничего удивительного в том, что он совмещал должности полпреда и резидента.

В марте 1939 года Ивана Тимофеевича Бовкуна вызвали в Москву. Вызову он не удивился – ему уже приходилось отчитываться на политбюро. 29 марта он выехал из Китая вместе с женой, рассчитывая на родине отдохнуть и полечиться. Но когда он приехал в Москву, оказался вроде как не у дел. Его никуда не вызывали, но и не разрешали вернуться назад. Он нервничал, не понимая, что происходит.

«Когда мне принесли папку с его делом, – рассказывал Петр Николаевич Архипов, который в 1990-е годы был старшим прокурором Главной военной прокуратуры, – меня поразило одно: дела не было. В папке протокол обыска и еще какие-то маловажные бумаги». Прокурору Архипову было поручено решить, подлежит ли Бовкун-Луганец-Орельский реабилитации в соответствии с законом о жертвах политических репрессий. История убийства резидента и его жены всплыла в 1953 году, когда началось следствие по делу арестованного Берии и его подручных Начальник следственной части МВД по особо важным делам генерал-лейтенант Лев Емельянович Влодзимирский, арестованный вслед за Берией, признал, что он лично участвовал в убийстве...

Вдруг в конце мая 1939 года Бовкуну сказали: можете отдохнуть. Он отправился в санаторий НКВД в Цхалтубо. Нине Валентиновне пришлось задержаться в Москве, чтобы отправить двухлетнюю дочь и родителей на дачу. А его торопили с отъездом: потом уже не будет возможности отдохнуть. Иван Тимофеевич обещал каждый день писать или хотя бы посылать телеграмму. Она получила три телеграммы и одно письмо из Баку – там он был проездом. И вдруг связь прервалась. Отправили телеграмму начальнику санатория с просьбой сообщить, что случилось. Никакого ответа.

Нина Валентиновна отправила мужу четыре письма. Они сохранились в ее личном деле. Муж эти письма не получил. К тому времени он уже был арестован и этапирован в Москву. Его поместили в Сухановскую особую тюрьму НКВД. Там держали ограниченное число высокопоставленных в прошлом политических заключенных.

Одновременно с Бовкуном в Сухановке уже почти два месяца находились сам бывший нарком внутренних дел Ежов и его бывший первый заместитель Фриновский. С Ежовым и Фриновским Ивану Тимофеевичу устроили очную ставку. Они сидели два месяца и уже давали любые показания, нужные следователям. Бывшие руководители наркомата

внутренних дел рассказали, что недавний резидент внешней разведки в Китае Бовкун-Луганец-Орельский был членом антисоветской организации, которой они руководили. Если судить по следственному делу, Бовкуна допрашивали только один раз. А в тюрьме он провел больше месяца. Видимо, допрашивали его не раз, но протокол не составляли.

А тем временем к жене Бовкуна явился работник НКВД, передал привет от мужа и сказал, что Иван Тимофеевич просит немедленно выехать к нему в Цхалтубо. Она, напуганная молчанием мужа, сказала, что должна дожидаться весточки от него. Тут же пришла телеграмма, им подписанная. Но слова были какие-то чужие. Не так он обращался к жене, не так писал телеграммы. И, кроме того, он посылал только «молнии», чтобы сразу доставили. А в НКВД сэкономили – послали простую.

У Нины Валентиновны случился нервный припадок. Приехал врач из ведомственной поликлиники и вместо помощи стал на нее кричать: «Вы должны немедленно ехать к мужу!»

Ей сразу же доставили билет. 20 июня она покинула Москву. Больше никто из родных ее не видел. Она обещала дать с дорог и телеграмму. Телеграммы не было. А через три дня после ее отъезда чекисты приехали с обыском – сначала на дачу, потом на городскую квартиру. Забрали именное оружие Ивана Тимофеевича, его документы, переписку, фотографии. Московскую квартиру опечатали.

Но в личном деле Нины Валентиновны нет ничего! Ни постановления об аресте, ни обвинения, ни протокола допроса. Только четыре перехваченных письма мужу. Ее тайно арестовали для того, чтобы устроить спектакль с мнимой автокатастрофой.

Бовкуна продержали в тюрьме месяц. Потом перед ним вроде как извинились за ошибку и обещали в салон-вагоне отправить назад в Цхалтубо – продолжать отдых. Да еще вместе с женой. С ними в вагоне поехали трое крупных чекистов: помощник начальника следственной части наркомата внутренних дел капитан госбезопасности Лев Емельянович Влодзимирский, начальник внутренней тюрьмы на Лубянке капитан госбезопасности Александр Николаевич Миронов и начальник 3-го спецотдела Шалва Отарович Церетели (обыски, аресты, наружное наблюдение). В страшном сне Ивану Тимофеевичу не могло привидеться, что эти люди в высоких званиях станут его убийцами.

Церетели на допросе в 1953 году показал: «В 1939 году меня вызвал в кабинет Кобулов, где уже был Влодзимирский. Затем мы пошли в кабинет Берии, который сказал, что нужно без шума ликвидировать двух человек, что наркому внутренних дел Грузии даны все необходимые указания. Мне Берия приказал ликвидировать их без шума, без огнестрельного оружия. Лучше всего имитировать автомобильную катастрофу...»

Рапава позвонил Берии: «Можно ли применить огнестрельное оружие?» Тот обещал посоветоваться и просил перезвонить через день. Потом ответил: «Никакого оружия!»

Советоваться Берия мог только с одним человеком – со Сталиным. Значит, судьбу резидента и его жены решил сам Иосиф Виссарионович. Вот почему их уничтожили даже без формального приговора.

Ивану Бовкуну не предъявили обвинения. Не было ни судебного приговора, ни решения тройки НКВД, которую использовали для уничтожения людей «во внесудебном порядке». Но почему же резидента в Китае уничтожили таким изощренным способом? Да еще вместе с женой? Ведь сотни тысяч других жертв просто расстреливали или отправляли в лагерь.

«Я могу предположить только одно, – сказал мне прокурор Архипов, – некоторые разведчики в те времена занимались добыванием валюты путем торговли опиумом». Это главная версия, которая кажется убедительной прокурорам, изучавшим дело Бовкуна-Луганца-Орельского уже в наши дни. «В деле Берии, – подтвердил Андрей Викторович Сухомлинов, полковник юстиции в отставке, изучивший многотомное дело Лаврентия Павловича, – сказано: "Бовкун контролировал оборот наркотиков"».

Торговля опиумом всегда процветала в Китае. Опиумный мак продавали и коммунисты, чтобы поправить свои финансовые дела. Но в сороковые годы Мао прекратил продажу мака. Во-первых, наступило перепроизводство. Во-вторых, Мао не хотел видеть своих людей в состоянии наркотического опьянения.

Контролировать потоки наркотиков в Китае пытались и японцы, и наши. Но кто кому продавал этот дорогостоящий товар?

«Сказано: контроль за оборотом и все, – говорит Сухомлинов. – Берия объяснил убийцам, почему придумана такая сложная комбинация. Важно, чтобы "подельники" Бовкуна в Китае не узнали, что он расстрелян, и не сбежали».

Капитан Миронов как начальник внутренней тюрьмы НКВД сам доставил к поезду резидента и его жену. Перед Кутаиси арестованных вывели в коридор по одному и прикончили.

Владзимирский в 1953 году показал: «Муж и жена, уже как арестованные, были привезены из внутренней тюрьмы и помещены нами в вагоне, в разных купе. Когда поезд шел от Цхалтубо в Тбилиси, я вывел из купе сначала мужа, и Миронов с Церетели убили его ударом молотка по затылку. А затем я вывел женщину, которую тоже Церетели и Миронов убили молотками».

Церетели описал убийство иначе: «Владзимирский молотком убил женщину, а я молотком ударил по голове мужчину, которого потом третий наш сотрудник додушил. Затем сложили тела в мешки, и на одной из станций, где нас поджидал Рапава с автомашинами, мы погрузили трупы в одну из машин».

В 1953 году подельники Берии перекладывали друг на друга ответственность за убийство. Кому охота признаваться, что убивал людей молотком? В деле осталось множество противоречий, так и не проясненных следствием.

Владзимирский: «На одном из полустанков нас встретил с двумя машинами Рапава. Мы вывезли трупы и, поместив их в одной из машин, отвезли на дорогу к обрыву у крутого поворота дороги. Затем шофер разогнал машину, на ходу выскочил, а машину с трупами повернул к обрыву, и она с ними свалилась под откос и разбилась. После этого мы уехали с места происшествия, а туда была вызвана автоинспекция и оформила все как автомобильную катастрофу. Это уже организовал без нас Рапава».

Бывший нарком госбезопасности Рапава, арестованный, тоже дал показания: «На шестом километре машину с трупами пустили под откос. И создали видимость, что пострадавших увезли в Тбилиси (чтобы по трупам не обнаружили, как они были убиты до этой катастрофы). К месту происшествия была вызвана автоинспекция, был оформлен соответствующий акт на автомобильную катастрофу. Ночью мы тайно похоронили Бовкун-Луганца и его жену на кладбище. Но на следующий день позвонил Берия и сказал, что надо организовать похороны с почестями. Видимо, он опасался, чтобы вокруг этой катастрофы не пошли нежелательные разговоры».

Надо понимать, Сталин остался недоволен. Если уж устроили такой спектакль, надо было довести его до конца. На следующую ночь чекисты вырыли трупы и устроили своим жертвам торжественные похороны с оркестром и цветами.

16 июля 1939 года «Правда» и «Известия» поместили информацию о похоронах убитого резидента:

«14 июля трудящиеся Тбилиси хоронили полпреда СССР в Китае тов. И. Т. Луганец-Орельского и его жену тов. Н. В. Луганец-Орельскую, безвременно погибших 8 июля при автомобильной катастрофе около Цхалтубо».

В большом зале Дома Красной армии установлен постамент, на котором покоятся тела погибших. Венки от коллегии Наркомата иностранных дел Союза ССР, ЦК и Тбилисского

комитета КП(б) Грузии, СНК Грузинской ССР, Тбилисского горисполкома, от родных и знакомых...»

Родные были потрясены. Они не верили в версию об автокатастрофе. Последний из братьев Алексей Тимофеевич Бовкун, служивший в военной авиации, попросился на прием к наркому внутренних дел Берии. Его принял первый заместитель наркома комиссар госбезопасности 3-го ранга Всеволод Николаевич Меркулов.

Брат убитого резидента рассказал о своих подозрениях: версия о катастрофе слеплена так неумело, так неправдоподобно, что возникает предположение об убийстве.

– И кто же, по-вашему, мог это сделать? – хладнокровно поинтересовался Меркулов.

– Пособники японской разведки, – сказал младший Бовкун, понимая, что иной ответ приведет его самого в тюрьму.

Первый замнаркома посмотрел на него и сказал:

– Вы либо дурак, либо очень хитрый человек. Идите и больше никому не задавайте вопросов об этом деле.

Вопросов никто не задает до сих пор.

Бовкуна сменил старший майор госбезопасности Александр Семенович Панюшкин. В июле 1939 года его отправили в Китай – полпредом и одновременно главным резидентом внешней разведки (в раздробленной стране, частично оккупированной японскими войсками, работало несколько резидентур).

«Стройный, худой, подтянутый, с маленькими бегающими глазками и коротко подстриженными седеющими усами, – таким посол увидел Чан Кайши. – Его движения казались медленными, неторопливыми, однако первые минуты разговора показали, что передо мной хитрый восточный политик, умеющий превосходно скрывать свои подлинные чувства и мысли. В целом у нас сложились неплохие отношения. По крайней мере, внешне он старался казаться доброжелательным к нашей стране и ее представителям».

Между Москвой и Вашингтоном

В ноябре 1937 года в Китай вернулся представитель компартии в Коминтерне Ван Мин. Его избрали членом политбюро и председателем секретариата ЦК. В Москве его напутствовали: «Сейчас главное – война с японцами». Но Мао не хотел отказываться от борьбы за власть. Он знал, что Чан Кайши зависит от Советского Союза и не посмеет сейчас вести решительные действия против коммунистов.

В Москве были им недовольны. В январе 1941 года глава исполкома Коминтерна Георгий Димитров писал Мао: «Не вздумайте по собственной инициативе развязать гражданскую войну». Димитров доложил Сталину: «Китайские товарищи бездумно ведут дело к расколу. Мы решили обратить внимание товарища Мао Цзэдуна на его неправильную позицию...»

Сталин в послании к Мао выразился еще резче: «Мы не считаем, что раскол является неизбежным. Вы не должны стремиться к расколу. Наоборот, вы обязаны сделать все, что возможно для предотвращения гражданской войны. Пожалуйста, пересмотрите свою теперешнюю позицию по этому вопросу».

После нападения нацистской Германии на Советский Союз, в июне и сентябре 1941 года Исполком Коминтерна просил ЦК компартии Китая перебросить части Красной армии и партизанские отряды в Южную Маньчжурию, чтобы в случае вступления Японии в войну против СССР незамедлительно развернуть в японском тылу боевые действия.

ЦК КПК ответил отказом: «Не исключено, что мы будем разбиты и не сможем упорно отстаивать партизанские базы в тылу противника».

Ван Мин, главный соперник Мао, похоже, был отравлен и в плохом состоянии вывезен в Москву. Больше он в Китай не вернулся.

Несколько раз советские представители обращались с призывом к Мао Цзэдуну активизировать Красную армию, чтобы сковать основные силы японской армии и не позволить ей присоединиться к Гитлеру. Мао был весьма практичен и видел, что Советский Союз ему очень полезен. Когда фашистская Германия напала на Советский Союз, он очень боялся поражения Москвы. Но не откликнулся на призыв Сталина и не спешил помогать Советскому Союзу и разворачивать широкие действия против японцев. Советским представителям он рекомендовал отвести войска за Урал и вести партизанскую войну.

Удивительным образом Сталин не обиделся на Мао, понимал: для вождя китайских коммунистов его собственные цели важнее всего. В этом смысле они были очень похожи.

Летом 1942 года директивой наркомата обороны на Дальневосточном фронте была сформирована 88-я отдельная стрелковая бригада. Ее укомплектовали советскими китайцами и бывшими партизанами, которые, спасаясь от японцев, перешли границу. Размещалась бригада в Вятском близ Хабаровска. Советские власти использовали ее для разведывательно-диверсионной работы и готовили на тот случай, если придется воевать с Японией.

Один из батальонов интернациональной по составу 88-й стрелковой бригады состоял из корейцев. В корейском батальоне 88-й бригады служил Ким Ир Сен, который доставит немало хлопот Мао Цзэдуну...

Будущий великий вождь Северной Кореи начинал свою жизнь под другим именем. Когда он родился в апреле 1912 года, родители назвали его Ким Сон Чжу. И Маньчжурия, и Корея были тогда оккупированы японцами. Под их властью и китайцы, и корейцы вели нищую, тоскливую подневольную жизнь. Юный Ким присоединился к людям, которые избрали другой путь. Корейских партизанских отрядов не существовало, были китайские, в них входило небольшое число корейцев.

В основном партизаны занимались устройством собственных дел. Среди партизан были и просто бандиты, промышлявшие грабежом на большой дороге. Если при этом они нападали и на японцев, то считались революционными бойцами. Партизаны отбирали урожай у крестьян, которые выращивали опиум и женьшень, грабили деревни и поезда. Брали заложников среди богатых местных жителей и требовали выкуп. Иногда заложников убивали – если выкуп не поспевал вовремя, а партизаны торопились.

В Маньчжурии несколько корейцев воевали под одним и тем же именем Ким Ир Сен. Все они погибли. Молодой человек взял себе имя погибших партизан.

Биографы пишут, что юный Ким вступил в корейскую компартию и возглавлял группы молодых коммунистов. На самом деле не было никакой подпольной корейской компартии после ее роспуска Исполкомом Коминтерна в 1928 году. Не существовало, соответственно, и комсомола. Основная тяжесть в борьбе против японских оккупантов легла на китайцев. Корейцы присоединялись к китайским отрядам и вступали в китайскую компартию.

Корейцу не так просто было продвинуться в китайской армии. Китайцы не очень хорошо относились к корейским товарищам по оружию. Подозревали их в предательстве, если подозрения казались серьезными – казнили. Но Киму, который учился в китайской школе и свободно говорил по-китайски, доверяли. Рассказывают, что Ким уже в юности был тверд и жесток. Если обещал отрезать уши тем, кто не подчинялся требованиям партизан, то держал свое слово.

С пойманными партизанами расправлялись необыкновенно жестоко: им отрубали головы, которые потом выставлялись напоказ. Довольные японцы фотографировались возле обезглавленных трупов врага. Оккупационные войска преследовали партизан, но одновременно освобождали от наказания и даже вознаграждали тех, кто прекращал сопротивление. Эта тактика принесла успех. Те, кто сдавался, помогали японцам захватить наиболее заметных партизан. За такую помощь японцы платили большие по тем временам деньги. Даже политкомиссары сдавались японцам и выдавали им партизанские базы.

Далеко не все китайцы сражались против оккупантов. В городах кто-то и не вспоминал о войне. Китайские торговцы были заняты только бизнесом, а в танцевальных залах молодые китайские девушки разучивали новые танцы с японскими солдатами, чья форма еще пахла порохом. Приезжая с фронта, японские офицеры обедали в хороших китайских ресторанчиках...

К 1941 году японская армия и жандармерия полностью справились с китайским партизанским движением в Маньчжурии. Остатки партизан – и Ким вместе с ними – бежали в соседний Советский Союз, где и жили до августа 1945 года.

В партизанском отряде Ким женился на Ким Чжон Сук. Советские офицеры называли ее Верой. Она была на семь лет младше Кима. Говорят, что в шестнадцать лет она оказалась в партизанском отряде, стряпала партизанам и обшивала их. Она последовала за Кимом в Советский Союз. Она была неграмотной, но симпатичной женщиной, стойко переносила все тяготы сибирской жизни.

16 февраля 1942 года первая жена родила Киму сына, которого назвали на русский манер Юрой. Это нынешний великий вождь Северной Кореи Ким Чен Ир. В его официальных биографиях, в корейских учебниках истории написано, что он родился в Корее, в партизанском лагере на горе Пэктусан. В 1944 году у Кима появился второй сын, которого тоже назвали русским именем – Александр, Шура. Несчастный мальчик утонул в июле 1947 года в Пхеньяне. Первая жена Кима умерла через два года во время родов. Ей было всего тридцать два. Как и после смерти Светланы Аллилуевой, жены Сталина, ходили разные слухи. Говорили, что она застрелилась или что ее отравили. С Ким Ир Сенем мы еще встретимся на страницах этой книги...

В Токио спорили: а не напасть ли вслед за нацистской Германией на Советский Союз, пользуясь удобным случаем. Но этого желали только некоторые генералы сухопутных сил. Они мечтали расквитаться за поражение на Халхин-Голе. Правительство и командование флота, которое имело не меньшее влияние, чем сухопутные генералы, не хотели ввязываться в войну с Советским Союзом. Япония нуждалась в ресурсах, в топливе, в черных металлах. Все это можно было получить в Юго-Восточной Азии, в странах с теплым климатом, а не в холодной Сибири. И главным своим противником в Токио считали Соединенные Штаты.

Расположенная в Маньчжурии, на границе с Советским Союзом, Квантунская армия была слаба. У японцев там не было ни современных танков, ни авиации. Кроме того, японцы были заняты борьбой с китайской армией и с китайскими партизанами, полностью разгромить которых не удавалось. Тем не менее, сражаясь с Германией, Москва старалась не злить Японию...

Япония выставила Советскому Союзу свои требования: прекратить помогать Китаю, не предоставлять свою территорию американцам для действий против Японии. Эти требования были выполнены. Сталин не хотел давать японцам ни малейшего предлога для конфронтации. Советские военные советники были отозваны из Китая, и военная помощь Китаю прекратилась.

Президент Соединенных Штатов Франклин Рузвельт, который с 7 декабря 1941 года вел войну с Японией, просил разрешения создать в советском Приморье американские военно-воздушные базы. Но Сталин не хотел злить японцев. Советский посол в Токио любезно информировал министра иностранных дел Японии о том, что СССР не предоставит Соединенным Штатам военно-морские и военно-воздушные базы.

Когда Япония втянулась в непосильную для нее войну с Америкой, ситуация изменилась. Теперь уже в Токио нуждались в том, чтобы Советский Союз строго соблюдал подписанный в апреле 1941 года пакт о нейтралитете.

Сталин вроде бы мог быть уверен, что Япония не нанесет удар в спину. Тем не менее в декабре 1941 года, после того как японцы уничтожили американский флот на базе в Перл-Харборе, из Ленинграда в Москву вызвали адмирала Ивана Степановича Исакова, первого заместителя наркома военно-морского флота.

Его доставили в Кремль. «Вот что, вы полетите во Владивосток, – Сталин показал трубкой на карту на стене, не на Владивосток, а просто на всю карту, – посмотрите, не устроят ли они нам там Перл-Харбор. Все, можете быть свободны».

Адмиралу Исакову не дали сказать ни единого слова. Он немедленно вылетел на Дальний Восток. Донесения советского разведчика Рихарда Зорге из Токио и его уверенность в том, что Япония двинется на юг, а не на север, не произвели на Сталина впечатления. В декабре 1941 года, после битвы под Москвой, он еще опасался японского нападения...

При Чан Кайши Китай – ценный союзник в борьбе с Японией – получил признание как великая держава. В 1944 году на встрече в Думбартон-Оксе, где создали Организацию Объединенных Наций, советские представители согласились включить Китай в пятерку постоянных членов Совета Безопасности ООН, обладающих правом вето. На следующий год, на встрече в Ялте, президент Рузвельт уговорил Сталина считать Чан Кайши союзником, хотя он вел борьбу с коммунистами Мао Цзэдуна. Чан Кайши занимал пост председателя Высшего совета национальной обороны, американцы предпочитали именовать его генералиссимусом.

Франклин Рузвельт незадолго до своей смерти сказал советскому наркому иностранных дел Молотову: «После войны останутся четыре полицейских, которые будут следить за остальными странами – это Англия, Соединенные Штаты, Советский Союз и Китай. Этим четырем странам только и будет позволено иметь оружие». К Франции Рузвельт относился презрительно и в список великих держав не включал.

Американцы просили Москву как можно скорее присоединиться к боевым действиям против Японии. Условием вступления в войну Сталин поставил возвращение России всех прав и территорий, утраченных в неудачной русско-японской войне 1904–1905 годов, восстановление в Порт-Артуре военной базы, а также передачу Советскому Союзу права управлять Китайско-Восточной и Южно-Маньчжурской железными дорогами.

Президент Рузвельт принял все условия Сталина и взялся убедить Китай пойти навстречу Москве. Летом 1945 года в Москву приехала китайская делегация. Чан Кайши не хотелось, конечно, принимать советскую военную базу на своей территории. Но Сталин убеждал китайцев: все это нужно только для того, чтобы в будущем держать в руках Японию: «Япония не будет разорена, даже если она подпишет безоговорочную капитуляцию. После Версаля думали, что Германия не поднимется. Прошло пятнадцать-двадцать лет, и она восстановилась. Нечто подобное случится и с Японией, даже если ее поставят на колени».

Он объяснял, почему Советскому Союзу нужны Курильские острова и военные базы на океане: «Мы закрыты. У нашего флота нет выхода в Тихий океан. Необходимо сделать Японию уязвимой со всех сторон: с севера, запада, юга и востока. И нам нужны Дальний и Порт-Артур на тридцать лет – на случай, если Япония восстановит свои силы. Мы могли бы ударить по ней оттуда».

Договор, подписанный наркомом Молотовым и Ван Шицзэ, министром иностранных дел в правительстве Чан Кайши, 14 августа 1945 года, был крайне выгоден нашей стране. Одновременно заключили три соглашения – о Китайской Чанчуньской железной дороге (она стала общей собственностью СССР и КНР), о совместном использовании военно-морской базы Порт-Артур в течение трех десятилетий и об объявлении Дальнего свободным портом, причем директором порта становился советский гражданин.

Айзек Пэтч, американский вице-консул в Дайрене (так на японский лад называли тогда город Дальний), докладывал своему начальству:

«Отношения между советскими высшими должностными лицами и китайскими кажутся довольно формальными и уж, конечно, не сердечными и не тесными. Советские генералы и должностные лица обращают мало внимания на китайцев. Советские представители не раз говорили сотрудникам нашего консульства, что китайцы их мало интересуют и что если бы была возможность выбрать, то они бы предпочли японцев...»

Советские граждане своей грубостью, невежливым поведением в магазинах, трамваях вызывают антипатию китайцев, и китайцы часто отвечают им тем же. Местные китайцы никогда не забудут обращения, которому они подверглись со стороны советских танковых частей в августе 1945 года, когда было много грабежей и изнасилований, пока советский комендант восстановил порядок...

Местная пресса формально находится в руках китайцев, но под советским руководством печатает многочисленные сообщения из Москвы. Точно так же от издаваемой в зоне литературы сильно отдает советской доктриной, а местная радиостанция передает советскую пропаганду...»

Китайским коммунистам договоренность Москвы с Чан Кайши была неприятна. Узнав о том, что Сталин и Чан Кайши пришли к согласию, Мао уверенно сказал: «Мы можем собственными силами победить и Чан Кайши, и всех иностранных реакционеров».

В военные годы Мао Цзэдун пытался найти опору не только в Москве, но в Вашингтоне.

Прежде всего американские военные стремились использовать разветвленную сеть партизанских баз китайских коммунистов, расположенную на оккупированной японцами территории, для ведения разведки и спасения американских летчиков, сбитых японцами.

В июле 1944 года в Китае побывал вице-президент США Генри Уоллес, человек очень демократических убеждений. Он договорился об отправке американской миссии в Яньань,

главную базу компартии. В первую группу включили профессионального китаиста Джона Стюарта Сервиса. Он прекрасно знал язык, потому что родился в Китае – его родители были миссионерами, которых послали создавать отделение Христианской ассоциации молодых людей. С 1933 года Джон Сервис находился на дипломатической службе в Китае.

Первое донесение он отправил уже через несколько дней. Американскому дипломату очень понравилось в штабе коммунистов:

«Все члены нашей группы чувствуют одно – будто мы приехали в совершенно другую страну и встретились с другим народом... Отношения официальных лиц и простых людей – открытые, прямые и дружественные. О Мао Цзэдуне и других лидерах говорят с уважением (а о Мао – даже с известным обожанием), но эти люди доступны для окружающих, и совершенно нет раболепства перед ними...»

Одежда и образ жизни очень просты. Почти все, кроме крестьян, носят одинаковую широкую чжуншаньского типа униформу из местной хлопчатобумажной ткани... Женщины обычно не только носят такую же одежду (брюки, сандалии или матерчатые ботинки, а часто русского образца спецовки), но и ведут себя как равные, и к ним относятся по-дружески... Люди настроены серьезно и преисполнены чувства долга. Но развлечения поощряются. Одна из их форм – вечера танцев. Во время обеда, устроенного для нас после прибытия, все самые высокопоставленные лидеры весьма непринужденно и демократично участвовали в танцах...»

Американцев коммунисты встречали радушно. С ними встретились практически все руководители компартии и Красной армии.

«Годы, проведенные компартией Китая в почти непрерывных сражениях, – писал Сервис, – не только наложили отпечаток на взгляды и характер лидеров, но и помогли выявить, какого типа люди в состоянии выжить в таких условиях и подняться к власти. Они молоды. Физически крепки. Никто не выглядит слабым, вялым или ленивым. Нет истощенных, анемичных интеллигентов, нет и разжиревших чиновников и бюрократов... Более слабые уже покинули их ряды. А те, кто остался, убеждены, что сражаются за что-то стоящее... Эта непоколебимая убежденность, очевидно, придает им уверенность в себе, определенную гордость и большую самонадеянность. Они не сомневаются в себе и своем генеральном курсе...»

18 июля 1944 года с Джоном Сервисом беседовал Мао Цзэдун. Он не пожалел времени, чтобы расположить к себе американского дипломата: «Мы подходим критически к долголетним традициям Китая, перенимая то, что хорошо, и отвергая то, что плохо. То же самое мы делаем с тем, что приходит извне. Мы приняли дарвинизм, демократию, примером которой являются Вашингтон и Линкольн, французскую философию XVIII века, материализм Фейербаха, марксизм из Германии и ленинизм из России. Мы отвергаем все скверное, например фашизм. Кое-что не может быть принято Китаем. Например, тот тип коммунизма, который осуществляется в России, так как у нас условия для этого не созрели. Коммунистическая партия не собирается ниспровергать власть гоминьдана. Мы искренне желаем успехов гоминьдану. Успехи гоминьдана будут на пользу народу и стране, а также коммунистической партии... Другое дело, что мы часто выступали с критикой, но мы верим в критику и постоянно занимаемся самокритикой...»

Мао и его ближайший соратник Чжоу Эньлай встречались и с другими американцами, втолковывали им, что у американцев превратные представления о коммунистах: «Коммунизм для нас не означает немедленного уничтожения частного капитала, поскольку в Китае капитализм еще почти не существует. Он не означает диктатуры пролетариата, поскольку пока нет пролетариата. Не означает коллективизации сельского хозяйства, поскольку политическое воспитание крестьян еще не преодолело в них примитивного индивидуалистического стремления обрабатывать собственную землю...»

«Хотя компартия Китая, – писал в Вашингтон Джон Сервис, – стремится к социализму как конечному итогу, она надеется прийти к нему не путем насильственной революции, а в результате долгого планомерного процесса утверждения демократии и контролируемого экономического развития... Эта точка зрения делает КПК скорее партией, стремящейся к планомерному демократическому развитию в сторону социализма (как это происходит, например, в странах вроде Англии), чем партией, подстрекающей к насильственной революции...»

В Джоне Сервисе и его коллегах вожди компартии нашли благодарных слушателей. Американцы подпали под обаяние революционеров. Они верили всему, что им говорили Мао и Чжоу, поскольку плохо представляли себе реальности жизни в Яньане.

Мало кто знал, какое неравенство существовало в аппарате компартии, отмечают историки. Кормили в соответствии с занимаемой должностью. Китайский хлопок был грубым, поэтому начальству одежду шили из импортного хлопка. Белье и носки выдавали только начальству; лишенные самого необходимого рядовые партийцы постоянно болели.

Писатель Ван Шивэй писал в партийной газете «Цзефан жибао» 13 марта 1942 года: «Молодые люди в Яньане, похоже, утратили вкус к жизни и ощущают пустоту. Почему? Чего нам не хватает в жизни? Одни говорят: нам не хватает калорий и витаминов... Другие скажут, что в Яньане одни мужчины и молодые парни лишены возможности найти себе жену... Кто-то заметит, что жизнь в Яньане однообразна и скучна... Но молодые люди пришли сюда, чтобы участвовать в революции, и готовы к самопожертвованию. Они пришли не ради еды, секса или удовольствий. Но их мечты разрушены узаконенной системой привилегий и заносчивостью начальства».

Ван Шивэй был арестован и отправлен в тюрьму как троцкист. Потом его забили насмерть и бросили в колодец...

В один из дней Мао Цзэдун и его жена присутствовали на танцевальном вечере в помещении штаба. Оба они пребывали в прекрасном настроении, отметили американцы, много танцевали друг с другом и веселились, хотя обычно Мао держался замкнуто. Во время перерыва в танцах Мао подсел к Джону Сервису и затеял разговор. Он говорил, что коммунисты не хотят трений с Соединенными Штатами и готовы «идти в ногу» с американской политикой.

Мао поставил вопрос об открытии в Яньане консульства США. Но был осторожен, чтобы не скомпрометировать себя излишне тесным сближением с Соединенными Штатами. 18 августа 1944 года ЦК компартии Китая принял директиву «О дипломатической работе». Она свидетельствует о серьезности шагов КПК по сближению с Соединенными Штатами. В директиве говорилось, что прибытие американской миссии знаменует «начало нашей дипломатической работы». Тем самым Мао связал партию своим курсом сближения с Соединенными Штатами.

23 августа 1944 года Мао пожелал поговорить с Джоном Сервисом. Говорил с американским дипломатом очень откровенно: «Самое существенное – политика Соединенных Штатов. Вы можете поддерживать гоминьдан и сохранять его у власти... А можете, если захотите, воспрепятствовать гражданской войне и заставить гоминьдан встать на путь демократии... Поэтому самый важный для коммунистов вопрос – и в настоящее время самый неясный – это вопрос американской политики».

«Суть ориентации на США ясна, – писал Сервис. – Коммунисты думают, что по весьма практическим причинам Советская Россия не сможет играть большую роль в Китае, и к тому же считают, что в интересах единения Китая на демократической основе участие России должно быть второстепенным по сравнению с участием Соединенных Штатов».

Джон Сервис поинтересовался у Цзэдуна, почему руководитель компартии подчеркивает значение Соединенных Штатов и не желает принимать во внимание Россию. «Совет-

ское участие в войне на Дальнем Востоке, – ответил Мао, – и в послевоенной реконструкции Китая полностью зависит от положения дел в Советском Союзе. Русские очень пострадали в войне, и у них самих будет полно хлопот с восстановлением страны. Мы не ждем помощи от русских... Соединенные Штаты увидят, что с нами легче сотрудничать, чем с гоминьданом. Мы не будем опасаться демократического влияния Америки, мы будем приветствовать его...»

Мао Цзэдун предложил Сервису немедленно вернуться в Чунцин и представить доклад о предложениях компартии своему послу.

Сервис говорил своему начальству в посольстве и государственном департаменте: конечно, ориентация китайских коммунистов на Соединенные Штаты Америки до некоторой степени неожиданна, но китайские коммунисты отходят от догматического марксизма, они искренни в своем стремлении к дружеским отношениям соединенными Штатами...

Донесение Сервиса от 28 сентября 1944 года: «В политическом отношении ориентация на Советский Союз, которая имела у китайских коммунистов, судя по всему, – дело прошлого. Коммунисты выработали свой образ мыслей, свою программу – реалистические, китайские – и проводят демократическую политику, которая, как они надеются, будет одобрена и найдет существенную поддержку у Соединенных Штатов...»

Ряд американских дипломатов считали, что пора отказаться от безоговорочной ориентации на Чан Кайши. Писали в Вашингтон: «Наши отношения с Чан Кайши продолжают строиться на ложной предпосылке, будто бы он представляет собой Китай и нам без него трудно обойтись. Настало время во имя успеха в войне и ради нашего будущего в Китай перейти к более реалистичному курсу. Чан Кайши полностью зависит от Соединенных Штатов – во внешнеполитической, военной и экономической областях. Даже его позиции внутри страны оказались бы под угрозой, если бы американская поддержка прекратилась».

Однако же попытка Мао Цзэдуна заинтересовать Вашингтон союзническими отношениями с китайской компартией ничем не окончилась. 17 ноября 1944 года президент Рузвельт назначил послом в Китае генерал-майора Патрика Хёрли. Тот был сторонником полной поддержки Чан Кайши. Коммунистов считал опасными мятежниками. Новый посол не захотел работать с Джоном Сервисом и добился его отзыва на родину.

В Вашингтоне Сервис познакомился с редактором журнала «Амерэйша» Филиппом Джаффе и передал ему копии некоторых своих донесений. Джаффе, человек левых убеждений, считался опасным смутьяном и находился под наблюдением Федерального бюро расследований. 6 июня 1945 года обоих арестовали. Джона Сервиса вскоре освободили, убедившись в том, что он не совершал правонарушений. Но его карьера была сломана. И Соединенные Штаты упустили шанс установить отношения дружбы и сотрудничества с китайскими коммунистами...

Впоследствии американские политологи отмечали, что невозможно, разумеется, утверждать, что политика, предложенная Джоном Сервисом и его единомышленниками, гарантировала бы долговечную дружбу между Соединенными Штатами и китайскими коммунистами. Но если бы в Вашингтоне смирились с приходом к власти китайских коммунистов, накал холодной войны в Азии был бы неизмеримо меньшим.

В августе 1945 года Советский Союз вступил в войну с Японией. Советские танковые клинья стремительно рассекали Квантунскую армию, располагавшуюся на севере Китая, и японцы оказывались в окружении. Отступавшим тоже некуда было деваться: их родина осталась за морем, а японский флот уже перестал существовать. Война с Японией была совсем недолгой, но в плен попала практически полностью Квантунская армия.

Советские войска заняли Маньчжурию. Кампания августа 1945-го обеспечила Сталину военные базы в Китае, контроль над северной частью Корейского полуострова, возвращение

Южного Сахалина, получение Курильских островов и свободный выход в открытый океан для советских боевых кораблей.

Сталину привезли на ближнюю дачу карту Советского Союза. Вождь приколот ее кнопками на стену:

– Посмотрим, что у нас получилось... На Севере у нас все в порядке, нормально. Финляндия перед нами очень провинилась, и мы отодвинули границу от Ленинграда. Прибалтика – это исконно русские земли! – снова наша, белорусы у нас теперь все вместе живут, украинцы – вместе, молдаване – вместе. На Западе нормально.

Он перешел к восточным границам.

– Что у нас здесь?.. Курильские острова наши теперь, Сахалин полностью наш, смотрите, как хорошо! И Порт-Артур наш, и Дальний наш, и КВЖД наша. Китай, Монголия – все в порядке...

15 августа 1945 года Япония капитулировала. Это был огромный праздник для китайцев. Мало кто знает, какой жестокой была война Японии против Китая. За годы войны и оккупации десятки миллионов китайцев погибли от рук японцев. Девяносто пять миллионов стали беженцами. Страна лежала в руинах, и правительству Чан Кайши было не справиться с инфляцией, коррупцией, деморализацией государственного аппарата.

Некоторое время Москва поддерживала отношения параллельно и с Мао Цзэдуном, и с Чан Кайши. То же пытались делать Соединенные Штаты. Сталин вел себя крайне осторожно. Помогал Мао, но, похоже, не верил в скорую победу компартии.

В те годы шифрпереписка между двумя вождями шла через генерал-майора медицинской службы Андрея Яковлевича Орлова, присланного из Москвы в январе 1942 года личного врача Мао Цзэдуна. Вместе с ним прислали и радиостанцию, так что Орлов должен был и лечить вождя китайской революции, и передавать ему послания из Москвы. О тайных обязанностях врача посторонние не подозревали.

Американский дипломат докладывал в Вашингтон из Яньаня в марте 1945 года:

«В настоящее время между Советским Союзом и Яньанем нет воздушного сообщения. Последний советский самолет был в Яньане в ноябре 1942 года. До этого самолеты прилетали не чаще одного-двух раз в год. Все они прибывали с разрешения китайского правительства и должны были приземляться для обстоятельного досмотра. Им разрешалось обслуживать немногочисленный русский персонал в Яньане и запрещалось перевозить нерусских пассажиров или грузы – помимо личных вещей пассажиров...»

Сейчас в Яньане трое русских. Один из них хирург по фамилии Орлов... Вне всякого сомнения, он действительно хирург. Он ввел несколько новых советских методов и очень занят хирургической работой в Центральной больнице Яньаня. Двое других – представители ТАСС...»

10 ноября 1945 года в ЦК ВКП(б) поступила шифртелеграмма от Сталина, отдохнувшего в Сочи. Послание было адресовано членам Политбюро Молотову, Берии, Маленкову, Микояну: «Нужно поскорее убрать из Яньаня и районов действия войск Мао Цзэ Дуна всех наших офицеров связи и других людей. Гражданская война в Китае принимает серьезный характер, и я опасюсь, что наших людей в этих районах, которые ничем не руководят, наши враги потом объявят организаторами гражданской войны в Китае. Чем скорее уберем их оттуда, тем лучше».

Сталин не спешил рвать с гоминьданом и не хотел провоцировать Соединенные Штаты на активное вмешательство в китайские дела. К концу 1945 года в Китае находилось пятьдесят тысяч американских морских пехотинцев. Американцы создали военно-морскую базу в Циндао.

Но наивности американских дипломатов и политиков можно только поражаться. 23 января 1946 года американский посол в Москве Аверелл Гарриман разговаривал со Стали-

ным о Китае. Советский вождь внушал послу: коммунисты хотят только одного – «как можно скорее ввести в Китае полную демократию». Американский посол воспринимал его слова всерьез.

3 июля 1945 года новый президент Гарри Трумэн (он сменил в Белом доме умершего Рузвельта) поручил внешнюю политику своему старому знакомому и опытному политику Джеймсу Фрэнсису Бирнсу, в прошлом конгрессмену, сенатору и члену верховного суда. Трумэн инструктировал Бирнса: «Мы должны восстановить Китай и создать там сильное центральное правительство. То же самое должно быть сделано в Корее».

5 мая 1946 года нарком Молотов и государственный секретарь Бирнс беседовали в советском посольстве в Париже. Вячеслав Михайлович предъявил американцам многочисленные претензии, в частности относительно китайских дел: «В мире нет почти ни одного уголка, куда бы Соединенные Штаты не обращали своих взоров. США всюду организуют свои авиационные базы, имеют большое количество военно-морских и авиационных баз в Тихом океане. США до сих пор держат свои войска в Китае, хотя СССР уже вывел свои войска из Китая и с других иностранных территорий...»

Госсекретарь Бирнс ответил столь же резко: «Из Китая американские войска будут выведены в течение ближайших тридцати дней, причем вопреки просьбе китайского правительства об оставлении их в стране. А вот Советский Союз должен был бы вывести свои войска из Китая гораздо раньше, чем он это сделал... Нет ни одного района мира, в котором СССР не предъявлял бы своих претензий. Соединенные Штаты должны получить ясный ответ на вопрос, продиктовано ли все это стремлением к обеспечению безопасности или экспансией СССР».

27 сентября 1946 года новый советский посол в США Николай Васильевич Новиков прислал в Москву секретный материал с оценками внешней политики Вашингтона:

«Внешняя политика США, отражающая империалистические тенденции американского монополистического капитала, характеризуется в послевоенный период стремлением к мировому господству. Именно таков истинный смысл неоднократных заявлений президента Трумэна и других представителей американских правящих кругов о том, что США имеют право на руководство миром...»

Приход к власти президента Трумэна – человека политически неустойчивого, но с определенными консервативными тенденциями – и последовавшее вслед за этим назначение Бирнса государственным секретарем ознаменовались усилением влияния на внешнюю политику США со стороны самых реакционных кругов Демократической партии...

Американская политика в Китае стремится к полному экономическому и политическому подчинению его контролю американского монополистического капитала... В настоящее время в Китае находится свыше 50 тыс. американских солдат. В ряде случаев американская морская пехота принимала непосредственное участие в военных действиях против народно-освободительных войск... Китай постепенно превращается в плацдарм американских вооруженных сил. Американские воздушные базы расположены по всей его территории... В Циндао находится штаб 7-го флота...

Следует вполне отдавать себе отчет в том, что подготовка США к будущей войне проводится с расчетом на войну против Советского Союза, который является в глазах американских империалистов главным препятствием на пути США к мировому господству. Об этом говорят такие факты, как тактическое обучение американской армии к войне с СССР как будущим противником, расположение американских стратегических баз в районах, откуда можно наносить удары по советской территории, усиленное изучение и укрепление арктических районов как ближних подступов к СССР и попытки подготовить почву в Германии и Японии для использования их в войне против СССР».

Обширное послание посла Новикова подкрепляло уже принятое в Москве решение ужесточить политику в отношении Соединенных Штатов. Но его оценки никак не отражали реальную американскую линию в отношении Китая.

В ноябре 1945 года вызванный для консультаций в Вашингтон американский посол в Китае Патрик Хёрли неожиданно заявил, что уходит в отставку. Причем по принципиальным соображениям: он не согласен с тем, что государственный департамент США сотрудничает с китайскими коммунистами. Посол Хёрли сообщил об этом публично в клубе прессы ровно через час после того, как сказал президенту Трумэну, что в Китае все в порядке и он собирается вернуться туда как можно скорее. «Мои попытки предотвратить гражданскую войну в Китае, – сказал посол, – объясняются тем, что профессиональные дипломаты объединились с коммунистической партией Китая».

Разразился громкий скандал. Тогда министр сельского хозяйства Клинтон Андерсон предложил Трумэну отправить в Китай специальным представителем популярного генерала Джорджа Маршалла – причем немедленно, чтобы перебить неприятную для Белого дома весть о заявлении посла. Трумэн тут же позвонил Маршаллу и попросил его поехать в Китай. Это был, говоря словами одного политика, сильный ход. Джордж Маршалл пользовался большим уважением в американском обществе.

Генерал Маршалл вступил в должность начальника штаба армии Соединенных Штатов, когда Германия напала на Польшу. Маршалл получил под командование армию численностью в двести тысяч человек. В мировой табели о рангах она занимала тринадцатое место – между португальской и болгарской. Американской армии не хватало даже стрелкового оружия. Учения проводились с деревянными ружьями.

Генерал Маршалл сказал тогда президенту Рузвельту, что принимает новый пост с условием, что будет иметь право говорить то, что он думает. Президент ответил «да». Но Маршалл предупредил президента: «Вы согласились с видимым удовольствием, но удовольствия вам это не доставит».

Джордж Маршалл не приезжал к Рузвельту в его поместье. Не смеялся, когда президент шутил. Однажды Рузвельт обратился к нему по имени. Маршалл строго ответил, что по имени его называет только жена, для остальных он – «генерал Маршалл». Рузвельт был мастер очаровывать людей. Но Маршалл знал, что ему важно сохранить полную независимость, и соблюдал дистанцию. На одном из совещаний в Белом доме генерал Маршалл позволил себе отреагировать на предложение президента словами: «Извините, господин президент, я совершенно с вами не согласен». Присутствовавшие решили, что Маршалл погубил свою карьеру, но именно его Рузвельт выдвигал на первые позиции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Стоимость полной версии книги 159,00р. (на 12.04.2014).

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.